

Захаров Н. Специфика социальной системы России

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ 4

ГЛАВА 1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, МЕТОД 9

§1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ 9

РОССИЙСКИЙ ПУТЬ? 9

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИИ 12

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА КАК МЕТОДОЛОГИИ 14

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ 25

§2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ. ОБЩЕСТВО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА 27

ОБЩИЙ (ФИЛОСОФСКИЙ) ПОДХОД К ПОНЯТИЮ «СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА» 27

СИСТЕМА И СРЕДА 42

ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ 51

СИСТЕМНОЕ ТРЕБОВАНИЕ 59

СИСТЕМНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ. СПОНТАННОСТЬ И ИГРА 62

ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 66

§1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ 66

§2. ЗАГАДКА РУССКОЙ ДУШИ 72

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «РУССКОЙ ДУШИ» 73

ДВЕ СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНДИВИДОВ 101

ГЛАВА 3. УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ 110

§ 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ИЕРАРХИИ И ПЛЮРАЛИЗМА 110

§ 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ КАК ФОРМА ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ 123

ГЛАВА 4. ЭТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 135

§ 1. ВЕБЕР И МАСЛОУ КАК ОСНОВАТЕЛИ КОНЦЕПЦИИ «ЭТИЧЕСКОГО СТРОЯ» 135

§ 2. ПРИРОДА ПОТРЕБНОСТЕЙ 145

БАЗИС ПОТРЕБНОСТЕЙ 145

ИГРА И ЦЕЛЕВОЕ СТРЕМЛЕНИЕ 149

§ 3. ЭТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА 152

ГЛАВА 5. ЛИЧНАЯ ПРЕДАННОСТЬ: ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ В ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ 167

§ 1. СИЛА АВТОРИТЕТА 170

§ 2. КОМПЛЕКС НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ ПРИНЦИПА ЛИЧНОЙ ПРЕДАННОСТИ 190

Исполнительская готовность 190

Способность выполнять директивы точно в срок 192

Инициатива наказуема 193

Иди туда не знаю куда 195
Не просить и не требовать. 202
Будь как все, или соответствуй своему статусу 203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 204
ЛИТЕРАТУРА 213
ССЫЛКИ

Рецензенты:

Проректор Академии менеджмента и рынка доктор исторических наук, профессор
Б.Т. Пономаренко

Доктор социологических наук К.О. Магомедов

Захаров Н. Специфика социальной системы России. – Ижевск, Изд-во УдГУ, 2000.
– с. 219

Монография посвящена исследованию социальных систем. В монографии обосновывается методология системного анализа при исследовании общества. Дан анализ социальной системы России в сравнении с западным обществом. Определены инварианты устойчивости российского общества.

Может быть адресована специалистам и студентам, изучающим социологию, культурологию, социальную психологию. Монография может представлять методологический интерес для специалистов в сфере кадровой политики и государственной службы.

ВВЕДЕНИЕ. СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С начала девяностых годов в России происходит масштабная трансформация общественной системы, аналогичная по целям и характеру реформам Александра II 60-70 гг. XIX в. Его предшественники откладывали в долгий ящик идею преобразований. Александр II вроде бы разрубил «крепостную цепь», но процесс конвергенции с западным обществом столкнулся с большими трудностями на рубеже XIX - XX веков.

Сейчас мы вновь идем по этому пути, но, несмотря на поддержку Запада, несмотря на то, что уже сложился класс предпринимателей, процесс конвергенции протекает, как и прежде, весьма трудно. Экономика, политика, общество в целом противятся нововведениям. В чем здесь причина? Наверняка она не в наших субъективных желаниях и устремлениях. Хотя зачастую они отражают объективное состояние дел. В этом смысле интересна красивая и оригинальная мысль, принадлежащая К.Н. Леонтьеву: «Не ужасно и не обидно было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушеествовал бы "индивидуально" и "коллективно" на развалинах всего этого прошлого величия?»

Попробуем в общих чертах для начала охарактеризовать то, что представляет собой западное общество. Еще К. Маркс отметил, что способ производства

современного ему западного общества (капитализм) характеризуется рядом особенностей, важнейшими из которых являются:

- Предпринимательская (частная) инициатива.
- Частная собственность на средства производства.

Вслед за К. Марксом М. Вебер дал объемную социальную картину, показав как взаимосвязаны повседневная деятельность людей и нравственная система, как из протестантской этики вылез «дух капитализма».

- Система институциональных норм, определившая отдельным индивидам цели и средства, реализации своего призвания в профессиональной деятельности
- Система экономического согласия (построенная на контрактного права между производителями), ориентирующая индивидов на получение экономической выгоды не путем конкурентной войны, а, наоборот, путем определения правил игры, таких правил, которые ориентируют предпринимателей не на драку за кусок «пирога», а на выпечку большого пирога, не делить (конкурировать), а умножать (производить).

Кроме этого современное западное общество характеризуется еще рядом особенностей, которые особенно ярко проявились уже в XX веке:

- Система социального согласия (общественного договора) между классами, участвующими в производстве. В основе здесь лежит экономическая стимуляция стремления к достижению и приобретению. Рабочий и предприниматель находят общий язык путем коллективного договора.
- Государство в этих условиях не является самодовлеющей силой, а исполняет роль арбитра, судьи, посредника, между существующими силами.

Таким образом, если рассматривать западное общество как социальную систему, то главная тенденция такой общественной системы направлена на возникновение равносильных элементов, обеспечивающих баланс системы.

Высокая предпринимательская инициатива сдерживается профсоюзным движением, агрессивность производителя - потребителем, элита - средним классом, исполнительная власть - законодательной и т.д. Современное западное общество – это система противовесов, баланс которой обеспечивают равновеликие силы. Поэтому такое общество мы можем сравнить с качелями, которые могут двигаться, при проявлении «предпринимательской инициативы», когда на них сидят партнеры одного «веса». Естественно, качаться взрослому и ребенку будет довольно трудно. Западное общество сложилось и может существовать как общество равносильных и равноинициативных.

Главными характеристиками такого общества являются плюрализм и индивидуальная инициатива .

Современный плюрализм как система баланса равносильных элементов тесно связаны с индустриальной и постиндустриальной эпохой. Вместе с тем и плюрализм, и индивидуальная инициатива в Западной Европе существовали и прежде. Некогда это очень хорошо показал М. Вебер в своей известной работе «Протестантская этика и дух капитализма» . В таком случае, плюрализм, частная инициатива, «протестантская» система норм и ценностей – это естественное следствие развития Западноевропейского общества. Выдвинем гипотезу: плюрализм, частная инициатива, определенный комплекс норм и ценностей, выросший из протестантской этики и есть в совокупности социальный феномен

Западного общества. И поставим вопрос как проблему: обладает ли российское общество потенциалом, необходимым для реструктуризации в социальную систему западного типа?

Главная особенность общественной системы России (и царской, и Советского Союза, и современной России) в том, что наша система не похожа на комплекс балансирующих равновеликих элементов, молекул, курсирующих по своей «частной инициативе». Если искать образ, то наш социальный строй можно сравнить с Солнечной системой. В центре – тяжелое ядро, определяющее курс малых планет (заметим, это весьма распространенная форма самоорганизации систем). Россия традиционно была централизованным государством, в котором власть своей силой и возможностями с лихвой перекрывала любые инициативы любых общественных элементов (будь это движение казаков, бунты стрельцов, мятежи городов или аристократов). Никогда не было такой силы в России, с которой государству нужно было искать компромисс.

Отсюда специфическое российское отношение к частной инициативе. Частная инициатива по отношению к интересам государства может быть либо вредной, либо нейтральной. В первом случае государство ее давит, во втором случае не замечает. Полезной для государства частная инициатива быть не может (так как в этом случае она уже не частная, она превращается в государственную инициативу).

Общественное мнение в целом негативно относится к частной инициативе: «не высывайся», «инициатива наказуема». Это не значит, что мы безынициативны, только форма проявления человеческой активности у нас иная. Инициативу, завидную волю, находчивость мы проявляем в двух случаях: во-первых, когда нужно обойти препоны и барьеры, поставленные государством; во-вторых, когда мы выполняем прямое указание вышестоящего (государства).

Наша инициатива носит характер либо центробежной, либо центростремительной силы (а не характер броуновского движения, как на Западе) и не может проявляться иначе, как выражение воли центра, либо напротив, как борьба с центром. Такая направленность инициативы может существовать только при наличии самодовлеющего центра.

Характер отношений собственности в нашей стране трудно передается в терминах, имеющих четкое определение в западной экономической науке и праве. Формально характер собственности тот же: общественная, государственная, частная (организационно-правовые формы в юридическом языке вообще тождественны). Но существует большая дистанция между юридическими определениями («законами») собственности и реальными «понятиями» в общественном мнении.

Отношения по поводу собственности в России строятся не на согласии, т.е. контрактном праве, а на доверии, преданности или страхе, что характеризуется в «аттрактивных», а не «рациональных» терминах права и экономики. Отношения по поводу совместной деятельности, связанной с собственностью, чаще всего «не прописаны», но каждый участник либо пользуется неписаными правилами, либо интуитивно чувствует, что он может делать, что нет. И даже в тех организациях, где имеются функциональные обязанности, в значительной мере они носят формальный характер. Отношения по поводу распределения продуктов совместной деятельности, как правило, не прописаны детально. Лидер – руководитель

оставляет для себя право либо полной, либо частичной свободы распоряжаться распределением. Такова в общих чертах специфика отношений собственности.

Государство выполняет в этой связи роль патриарха, функцией которого является карать и наказывать «отступников», уклоняющихся от выполнения правил сложившихся отношений. Благо государства выше блага любого человека, любой организации. А отсюда и государственный централизм.

Само по себе наше государство может иметь разную степень централизации. Крайние формы - самая жесткая централизация известна как тоталитаризм эпохи Сталина и Ивана Грозного, самые мягкие, их можно назвать антицентрализм, – пожалуй, наше время; конец эпохи Перестройки, эпоха Временного правительства, конец эпохи Николая II, период Смуты начала XVII века. В ситуации антицентрализма центр существует, но утрачивает свой вес и силу, теряет способность влиять на центростремительные и центробежные силы. Напротив, в условиях тоталитаризма, центр обладает такой силой, что поглощает все, превращаясь в монолит и уничтожая любую силу и инициативу. Оптимальное состояние централизма располагается «посередине» между тоталитаризмом и антицентрализмом. Нормой существования централизма является влияние центра на основные формы распределения и перераспределения, контроль над основными ресурсами.

Таким образом, российское общество по сравнимым параметрам так соотносится с западным:

Таблица 1. Сравнительные характеристики Запада и России

Россия

Запад

Централизм

Плюрализм

Инициатива либо центробежная, либо центростремительная

Частная инициатива

Принцип доверия

Принцип согласия

Экономические отношения в полной мере институционально не выражены

Экономические отношения выражены в праве частной собственности

В мировой истории есть поучительный пример. Вавилонский монарх женился на египетской принцессе, весьма образованной женщине. Она приехала с целой свитой профессиональных инженеров. По совету принцессы и проектам ее инженеров в Междуречье была построена ирригационная система, аналогичная египетской, с благой целью поднять урожайность. Через несколько лет долины Тигра и Евфрата превратились в безжизненную пустыню. Беда в том, что система ирригации, существовавшая в Египте, была убийственна для Междуречья. Точно так же для нашей страны могут оказаться убийственными многие западные инструменты политики и экономики.

§1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКИЙ ПУТЬ?

Перу Ф.И. Тютчева принадлежат строки:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья,
В Россию можно только верить.

Действительно ли Россию нельзя измерить общим «аршином», действительно ли у России свой путь? Так ли это? Такой вопрос уже не однократно ставился во множестве исследовательских работ, начиная с середины XIX века. И сегодня для многих эта тематика может показаться банальной и исхоженной. Тем не менее, имеет смысл задаться двумя вопросами, которые ставят под сомнение утверждение, что эта тема тривиальна.

Первый вопрос. Если «самобытность» нашего пути миф, то почему наши попытки «войти в Европу» на протяжении веков так и не приблизили нас к Европе?

Второй вопрос. Если «самобытность» хорошо известна и изучена, то можем ли мы определить нашу историческую роль, и сможем ли прогнозировать, хотя бы в ближайшем будущем, влияние нашей страны на внешний мир или предвидеть какие-то закономерные изменения внутри. Другими словами, в чем наша миссия, какова наша, хотя бы декларируемая, идея.

Самобытность российского пути – миф?

Рассмотрим первый вопрос. Предположим, что самобытный путь России – миф. Основной аргумент тех, кто отрицает точку зрения самобытности российского пути, основывается на ряде утверждений:

- Весь мир избрал определенную экономическую модель и определенный политический строй. Это капитализм и демократия.
- Во всем мире именно капитализм обеспечивает достаточно высокий уровень жизни населения, именно демократия обеспечивает качество жизни и гарантии прав личности. В связи с этим, имеет смысл провести последовательное экономическое и политическое реформирование в нашей стране, и тогда мы выйдем на «мировые стандарты».

Данный аргумент сводится к утверждению: «самобытность» – это отставание в сфере экономики и политики, или, другими словами, недоразвитие до «мирового стандарта»[4]. В таком случае, использование апробированных в мировом опыте процедур (моделей, стратегий и т.п.) позволит приблизить Россию к этому стандарту, каковыми являются в экономике – либеральные рыночные отношения (основанные на частной инициативе), в политике – демократия (основанная на правах личности). Последовательное исполнение этих процедур обеспечивает успешное реформирование общества и вхождение его в качестве равноправного члена в «мировое сообщество», или «западное общество» (под которым мы будем понимать в данной работе совокупность государств, известных как «развитые страны»; прежде всего это страны Западной Европы, Северной Америки, Австралия).

Если модели реформирования типичны, почему полтора десятка лет перестройки и реформ не привели нас к «мировому стандарту». Быть может для истории это небольшой срок. Но известно, что многие страны за меньший срок проводили реформирование. Самый яркий пример – Западная Германия. Преобразования в ней после разгрома фашизма во II Мировой войне названы «экономическим чудом». За короткий срок тоталитарное государство изменило свой политический режим, составило экономическую конкуренцию ряду передовых стран, в том числе США, не пострадавшим в войне. Кроме этого примера существует множество других – преобразования в ряде бывших социалистических стран Восточной Европы, включая и страны Прибалтики, уникальный пример преобразований в Финляндии после 1917 года, которая не получала как Германия специальной помощи, но довольно быстро приняла и социальные стандарты и достигла уровня жизни Западного общества.

Эти факты свидетельствуют, движение к «мировому стандарту» проходит за относительно короткий исторический период (как правило, около десяти лет). Экономическая депрессия и падение жизненного уровня – только исходный этап, исходное состояние. Начало проведения реформ является одновременно и началом этапа позитивного движения. В отдельных случаях в процессе проведения реформ в рассматриваемых странах наблюдались колебания в уровне жизни населения, но общая динамика была положительной. В таком случае именно рост среднего уровня жизни является одним из главных индикаторов успешности проводимых политических и экономических преобразований. В свою очередь, противоположный результат, падение уровня жизни, – признак неадекватного реформирования или отсутствия такового.

Итак, имеет смысл признать, что мы не уложились в исторически типичные стандарты реформирования. В чем причина этого?

Один из вариантов ответа – России требуются большие сроки на продвижение к «мировому стандарту».

Второй вариант – внутренние противоречия в стране привели к тому, что в ходе реформ были допущены ошибки; этому способствовало противодействие сил, выступающих против реформ; в целом народ оказался не готов к реформам. Данные варианты чаще всего встречаются в публикациях, как объяснение «пробуксовывания» и затягивания реформ в нашей стране.

Возможно, России требуется более долгий срок реформирования, чем другим странам? Вариант первый, пусть России действительно требуется более долгий срок реформирования, в таком случае следует, что исходная точка движения качественно хуже, нежели в тех странах, которые мы называли выше в качестве примера. Однако это не так – экономика СССР к началу 80-х годов действительно находилась на грани экономического кризиса, и явно назрела потребность реформирования, но состояние ее ни в коей мере нельзя сравнивать с состоянием, положим, Германии после войны. Глубина экономического кризиса СССР по сравнению с состоянием послевоенной Германии была незначительна. Кроме того, СССР в эти годы обладал достаточным ресурсным потенциалом для реформирования.

Реформы в России, если учитывать только экономический потенциал, могли пройти так же, как и в других странах, а значит экономический потенциал, как единственное условие, недостаточен, должны быть другие причины, послужившие препятствиями для реформирования. Поэтому первый вариант ответа с необходимостью требует выхода на изучение второго варианта.

Противодействие реформам?

В процессе преобразований 90-х годов был изменен социальный и экономический строй, однако в полной мере необходимые мероприятия не были проведены. Как правило, проведение реформ наталкивалось на сопротивление. Определение причины противодействия, возможно, даст ключ к решению проблемы выхода из кризиса, который постиг нашу страну. Самый общий ответ на это дал некогда Огюст Конт – пока же отдельные умы не примкнут единодушно к некоторому числу общих идей, на основании которых можно построить общую социальную доктрину, народы, несмотря ни на какие политические паллиативы, по необходимости останутся в революционном состоянии, и будут вырабатывать только временные учреждения[5]. То есть, по Конту, пока общественное мнение не примет идей преобразований, сами преобразования будут невозможны. Соответственно до тех пор, пока в России будет продолжаться такое «сопротивление», реформы будут обречены на неуспех.

Отсюда следует вопрос: в чем причина такого сопротивления и является ли путь Запада, единственным способом достижения социальной гармонии и комфорта?

Отсюда следует вопрос: в чем причина такого сопротивления и является ли путь Запада, единственным способом достижения социальной гармонии и комфорта?

Исследование данных общих вопросов зависит от успешного использования той или иной научной методологии. Поэтому предварительно требуется определиться в научном подходе.

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИИ

С начала 90-х годов интеллектуальный потенциал российской науки был направлен на изучение условий экономических преобразований в нашей стране. Такие исследования были ориентированы на то, чтобы изучить и разработать экономические рычаги и механизмы, способствующие формированию и развитию либеральной экономики и ее высокой эффективности, обеспечивающие создание условий, способствующих ее легальному и легитимному функционированию. Таков был общий социальный заказ. В этом случае, в самом общем виде объектом исследования выступали экономические отношения, а более конкретно – система потребления ресурсов, характер производственных отношений и комплекс распределения произведенного продукта. Все это в совокупности есть нечто иное, как экономические отношения. А подход к изучению общества, сложившийся в настоящее время и традиционно используемый, может быть, соответственно, охарактеризован как экономический.

На сегодняшний день можно утверждать, что экономический подход успешно реализуется. Вместе с тем, ни для кого не секрет, что внедрение ряда экономических механизмов встречает противодействие, как со стороны государственных органов, так и со стороны населения. К сожалению, сложившиеся в настоящее время взаимоотношения между социальными группами вряд ли можно рассматривать как дружественные и партнерские. Налицо дезинтеграция общества и социальные противоречия. Эти противоречия описаны как в научных исследованиях, так и в публицистике.

Вместе с тем, экономические исследования до настоящего времени не оказывали влияния на разрешение накопившихся социальных противоречий. В связи с этим, имеет смысл констатировать: экономический подход, решая, главным образом, вопрос экономической эффективности, не обнаруживает механизм преодоления социальной дезинтеграции.

В связи с этим реализация социального заказа – определение эффективных механизмов построения либеральной экономики – обнаруживает выход на вопросы о мотивах действий, взаимодействии и столкновении интересов.

Реальные деловые (производственные) отношения включены в социум и регламентируются государством на основе принятого экономического подхода с помощью инструментов права. Вместе с тем, государственная регламентация релевантна и отчасти основывается на общественном мнении, исходя из традиционных установок общественного сознания. Такие установки отражают общий строй социо-культурной ментальности. В частности, система регламентации, существующая в экономической сфере, пересекается с социальным чувством справедливости (чувством, также основанным на традиционных установках).

В связи с этим, социальный заказ – исследование условий функционирования либеральной экономики, - связан и с изучением традиционных установок, присутствующих в общественном мнении, и особенностей системы социального взаимодействия, существующих в нашем обществе.

Таким образом, экономические модели преобразований, теоретически обоснованные и прошедшие прикладную апробацию в других странах, смогут быть внедрены в широкую социальную практику нашей страны только при условии принятия их общественным мнением и при наличии воли инициаторов. Иначе такие модели будут представлять собой в лучшем случае интеллектуальные предложения, в худшем будут «"яблоком" раздора» между теми или иными социальными силами, группами.

Данный взгляд открывает ряд моментов, требующих изучения, но не укладывающихся в научную плоскость экономического подхода:

- Во-первых, это проблема признания общественным мнением инициированных государством изменений.
- Во-вторых, определение механизма воли и инициативы в преобразованиях.

· В-третьих, изучение и учет специфики традиционных установок справедливости и особенности строя социального согласия в нашей культуре.

Определенные в данном случае вопросы – это вопросы, касающиеся исследования общественной системы в целом (а не только в аспекте экономической реальности). Необходим «макросоциальный» анализ деятельности общественных сил, составляющих социального организма как целого, а это прерогатива социологии.

Итак, наш объект исследований требует социологического подхода, а значит и определенной методологии исследования.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА КАК МЕТОДОЛОГИИ

В рамках социологического подхода традиционно сложились следующие методологические парадигмы:

· классиками социологии конца XIX века (прежде всего, Э. Дюркгейм, М. Вебер) выработан подход (именуемый в настоящее время классическим), построенный на принципе объяснения социального из социального;

· успехи ряда наук способствовали приобретению социологией той или иной окраски (например, под влиянием психологии формируется психологическая парадигма, а под влиянием экономики – экономическая), основной особенностью этого подхода был поиск ключевого определяющего фактора (положим психологического, экономического, или иного) назовем такой подход детерминистическим;

· невозможность в настоящее время объяснить социальные феномены исходя из классического и детерминистического подхода, привело к выработке методологии, построенной на стремлении придать социальному особый, расширенный статус, позволяющей постичь объект не только в плоскости однонаправленной детерминации, но и во всем многообразии его взаимосвязей. Данный подход вытекает из классического социологического подхода, придерживаясь объяснения: «социальное из социального», при этом социальное рассматривается с точки зрения структуры и функции. В целом такой подход может быть обозначен как системный

«Социальное из социального» – классическая социологическая парадигма.

Данная парадигма – объяснять социальное из социального, как отмечалось, идет от классиков социологии – Вебера, Дюркгейма. Одной формулой М. Вебер так определяет данный принцип: «... подлинная ее [социологии] задача состояла бы именно в том, чтобы, интерпретируя, объяснить: 1. Посредством каких осмысленно соотнесенных действий (будь то с объектами внешнего или собственного внутреннего мира) люди, обладающие специфическими унаследованными качествами, пытались осуществить свое стремление, обусловленное, помимо других причин, и этими качествами; в какой степени и по какой причине им это удавалось или не удавалось? 2. Какие понятные нам последствия подобное (обусловленное наследственностью) стремление имело для осмысленно соотнесенного поведения других людей?»[6]

В этом подходе содержится стремление рассмотреть общество как целостность и определить его структуру и функции, поэтому неслучайно именно в сфере социологического знания начинает зарождаться так называемый структурно-функциональный анализ. Однако этот подход предполагает абстрагирование от субъективных особенностей поведения человека и общества. Другая его особенность в том, что «классический» подход, по мнению С. Московичи, предписывает и описывает явления, но не объясняет их[7]. Классический подход оставил за пределами изучения факты психического и экономического порядка. Отсюда парадокс – социологический подход очень часто приобретал либо экономический характер, либо психологический. И собственно от этих подходов его очень часто отличает только терминология, язык.

«Детерминистическая» парадигма

В нашей стране общенаучная парадигма в целом длительное время строилась на экономическом детерминизме, идущем от Маркса. Такой «онтодетерминизм» пронизывает практически все гуманитарные дисциплины и собственно экономическую науку в нашей стране. Длительное время данный принцип был единственным и для советской социологии.

Этому имеется не только идеологическое, но и практическое объяснение. Именно экономический детерминизм зарекомендовал себя достаточно высоко в управлении плановым хозяйством, которое в значительной мере построено на управлении движением ресурсов. Соответственно вмешательство в управление других, «неучтенных» факторов приводит к дезорганизации.

Зачастую данный подход становится единственным в решении как глобальных общетеоретических задач, так и прикладных. Исходя из этого подхода, решить научную проблему – значит найти ключевой «бытийный», или, более конкретно, экономический механизм, который как стартер в автомобиле может запустить весь двигатель. Резонность такого подхода достаточно высока.

По нашему мнению, самые кардинальные реформы, преобразования нашей действительности с начала 90-х годов строились именно на таком (хотя это неожиданно звучит) «марксистском» подходе. Реформа Е.Т.Гайдара в качестве ключевой точки, детерминанты, определяющими избирает отношения обмена, делает акцент на свободный рынок, реформа Чубайса – на отношения собственности. Безусловно, эти реформы имели и научное обоснование, и определенные технические разработки, и, не нужно забывать, опирались на надежный мировой опыт. Вместе с тем, результат этих преобразований оказался парадоксальным. В афористичной форме его сформулировал В.С. Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Точно также действия правительства С.В. Кириенко основывались на экономической определяющей, но не учитывали особенности характера российского населения, что усугубило кризис 17 августа 1998 г.

Другими словами, реализация научной парадигмы, построенной на экономическом, или, более широко, «бытийном» детерминизме может не давать ожидаемый прикладной результат (хотя не исключены обратные примеры). Во всяком случае, марксистский подход не может претендовать на универсальную методологию, как для практики, так и для теории.

Своеобразной альтернативой экономическому детерминизму оказался детерминизм психологический, который одновременно представляет собой альтернативу классическому социологическому подходу. И в отличие от него индивидуализирует социальное бытие, придает ему «человеческий лик». Данный подход исходит из идеи борьбы подсознательного и сознания, «ид» и «суперэго», как столкновения животного и общественного начал в человеке. Безусловно, данное видение открывает новую точку зрения для изучения социальных фактов как фактов сублимации, вскрывает причины и механизм функционирования этих фактов, она дает не только объяснение, но и находит механизмы управления и человеком, и социумом.

В XX веке психология превратилась в основное руководство к управлению людьми. Литература по психоанализу, основоположником которого является З. Фрейд, этюды Г. Лебона, работы Г. Тарда, концепции К. Юнга и его последователей дали прагматические результаты не только собственно в психологии, но и в рекламе, менеджменте, политике и даже в космонавтике и разведке. Столь значительные успехи психологического подхода (особенно в сравнении с неудачами экономического) поставили данную парадигму вне критики.

На сегодняшний день язык психологии вошел в обыденную лексику и способен «объяснить» любой социальный феномен, например, особенности поведения русского народа. Наиболее типичная ссылка – «такова ментальность». Неудачи ряда проводимых социальных компаний (к примеру, рекламных, избирательных и т.п.) иногда склонны объяснять непредсказуемостью российской ментальности. Однако именно такие утверждения ставят под сомнение психологический подход в целом.

Ментальность – общественный феномен, и если он описывается как непредсказуемый, это означает, что мы воспринимаем его как «черный ящик», дающий неожиданные, непрогнозируемые результаты. Заслуга психологии, в первую очередь Фрейда, Юнга, Лебона и других ученых, заключалась в том, что они вскрыли «черный ящик» психики (индивидуальной и массовой), показали, как работает этот «ящик», его механизм. Сегодня

же мы вновь оказались перед «черным ящиком», а психологическая парадигма, как прежде классическая, «описывает и предписывает, но не объясняет».

Однако психологизация социальных фактов требовала поиск некоего общего основания, детерминирующего в целом социальные феномены (к примеру, в качестве таких оснований могли выступать базовые инстинкты у последователей Фрейда, или коллективное бессознательное Юнга). Это общее основание особенно ценно при изучении социума, т.к. именно оно объединяет разрозненных индивидов, превращая их в единый субъект или, если угодно, объект исследования и влияния. При изучении индивида мы можем однозначно принять это некое общее основание (будь это либидо или нечто иное), но при анализе групп (малых и больших) кроме этого общего основания появляется еще нечто – способ «склеивания» индивидов в группу, или особенности и формы коммуникации.

Вопрос взаимосвязи индивидов в более или менее явном виде стоит у всех исследователей, изучающих группы. Примечательно, что Лебон[8], изучавший толпу, действующую как монолитный субъект, свое внимание концентрирует на общем основании. Тард[9], изучающий общественное мнение, т.е. публику или индивидов, не имеющих непосредственной связи, внимание концентрирует на этой самой масс-медиа – средствах массовой информации и коммуникации.

Особенность и закономерности связи между индивидами – тот факт, который в современной психологической парадигме зачастую игнорировался в силу его незначимости, в силу того, что он оказывается «разлит» в общем основании. Но такое игнорирование возможно до тех пор, пока группа выступает как единый субъект. Группа перестает быть монолитным субъектом, когда обычная, типичная коммуникация, формировавшаяся тысячелетиями, замещается опосредованными инструментами. И сама коммуникация перестает быть исключительно традиционно психологической. Изучая такое общество, уже нельзя ограничиться только каким-то одним основанием. В данном случае особым предметом изучения предстает характер взаимосвязи между элементами.

Системная парадигма

Основы методологии такого подхода некогда заложил А. Богданов[10], а затем расширил его и дал ему практическое применение Н. Винер[11]. Применительно к обществу данный подход разрабатывался Р. Мертоном[12], Т. Парсонсом[13], К. Леви-Строссом[14], Н. Луманом[15], С. Московичи[16].

Системная парадигма исходит из традиционного классического принципа социологии, построенного на структурно-функциональном анализе. Она основывается на стремлении рассматривать общество как целостность и определить структуру объекта и характер взаимосвязей в структуре между элементами. Такой подход в настоящее время принят во многих науках, исследующих организационные общности, и именуется как системный подход. Его принципы были построены на идеях кибернетики Н. Винера и системном подходе Бераланфи, который, в частности, отмечал: «Таким образом, мы стремимся не просто описывать или предписывать, а, прежде всего, понять и охарактеризовать действия объекта, в том числе ожидаемые действия»[17]. Отсюда стремление к изучению поведения объекта становится основополагающей задачей. «Системный подход главное внимание сосредотачивает на изучении поведения объекта. Главный вопрос здесь – не «что это такое?» а «что оно делает?»[18]. Собственно описание поведения объекта возможно через понимание того, как объект устроен и как взаимодействует с другими объектами.

Итак, особенность системного подхода заключается: во-первых, в стремлении изучать объект как целостность. Во-вторых, система и среда не абстрагируются одно от другого, а рассматриваются в единстве. В третьих, самоорганизующаяся система обладает способностью к целеполаганию. Такой подход представляет альтернативу и, в определенном смысле, противоположность, длительное время используемому, подходу, построенному на принципе фундаментальной, или базисной (ключевой) детерминации (будем называть этот монистический принцип – «фундаментальный детерминизм»).

Наиболее ярко в нашей стране этот принцип фундаментального детерминизма проявился в марксистском подходе, что было выражено формулой Ф.Энгельса[19] «бытие определяет

сознание». В качестве фундамента, базиса, или ключевого звена принимается бытие. Данный принцип в марксизме был распространен и на другие сферы, в том числе на экономику и социологию, где трансформировался в экономический детерминизм.

Однако отметим, что этот методологический принцип – монизм, или фундаментальный детерминизм, – не есть собственно марксистский принцип. Это принцип теории познания, который был ведущим в общественных науках вплоть до конца XIX века. Особенность его заключается в изучении объекта познания с точки зрения действия ключевого фактора. Этот принцип характеризует все направления, в том числе и психологический подход. Только здесь в качестве ключевого фактора принимается, например: «либидо» Фрейда, «коллективное бессознательное» Юнга и т.п. Фундаментальный детерминизм без сомнения эффективен, но только в ограниченной области своего применения. Такой областью для данного подхода является исследование простых объектов, или простых систем, построенных на причинно-следственной связи; систем, в которых только один фактор является определяющим.

Однако при исследовании объекта, представляющего сложную систему, ученый сталкивается с ограниченностью фундаментального детерминизма. Дело в том, что в сложных системах привычные причинно-следственные связи теряют свою всеобщность, а проблема первичности превращается в схоластический спор: что было раньше – курица или яйцо. По мнению Берталанфи, классическая наука «занималась главным образом проблемами с двумя переменными (линейными причинными рядами, одной причиной и одним следствием) или в лучшем случае проблемами с несколькими переменными. ... Однако множество проблем, встающих в биологии, в бихейвиоральных и социальных науках, по существу, являются проблемами со многими переменными и требуют для своего решения новых понятийных средств»[20]. В сложных системах ни «производственные отношения», ни «коллективное бессознательное» не могут претендовать на абсолютно определяющую роль. Здесь вступают в силу другие закономерности, связанные с особенностью объекта исследования. Как и Берталанфи, Росс Эшби полагает, что «достоинство кибернетики состоит в методе исследования сложных систем, ибо при изучении простых систем кибернетика не имеет преимуществ»[21].

Во-вторых, рассматривая поведение объекта, системный подход не предполагает абстрагирование объекта от внешней среды, внешнего мира, напротив полагая, что объект взаимодействует и обменивается веществом и энергией (одним словом – ресурсами) со средой, которую он изменяет, изменяя и самого себя.

Самоорганизующаяся система адаптируется к среде, но не ко всей многообразной среде, а собственно к ресурсному ареалу. Адаптация системы, в самом общем смысле, есть адаптация к условиям (или выбор наиболее приемлемых условий) потребления ресурсов. В таком случае не среда, а собственно способ потребления ресурсов и оказывает влияние на систему. Доступные ресурсы способствуют экстенсивному росту, расширению системы, напротив, ограниченные ресурсы представляют собой как бы «тойнбиановский вызов» системе и принуждают ее к «ответу».

«Правильный ответ» изменяет систему таким образом, что она становится адаптивна к измененным условиям потребления ресурсов. Как правило, в этом случае система стремится себя перестроить. При этом реализуется следующий алгоритм самосохранения системы: во-первых, увеличивается «площадь» потребления ресурсов, или, другими словами, увеличивается доля тех элементов, которые выполняют функцию ассимиляции ресурсов ареала; во-вторых, интенсифицируется процесс ассимиляции ресурсов этими элементами; в-третьих, предельно сокращается доля элементов, не участвующих в процессе ассимиляции ресурсов.

Для перестройки требуется энергия, причем в количестве большем, чем потреблялось прежде, т.к. любое изменение встречает внутреннее сопротивление элементов, подсистем, сложившихся взаимосвязей. Вместе с тем, любая самоорганизующаяся система накапливает в результате своей деятельности определенный энергетический потенциал, который может быть тем самым энергетическим ресурсом перестройки.

«Вызов» оказывается чем-то вроде «встряски», фактором разрушения системы. Распад практически любой системы приводит к высвобождению накопленной ей энергии. В этот момент система либо сохраняет способность к самоорганизации, т.е. дает «правильный ответ» и реализует алгоритм самосохранения, концентрированно и направленно используя энергию, высвобождающуюся в результате «встряски». В противном случае система коллапсирует[22], разваливается. В этом случае «вызов» приводит к распаду и к «неуправляемому» высвобождению энергии. Как следствие, система перестает быть самоорганизующейся и ведет себя как любая «неживая» система. В результате такого распада функция самоорганизации системы переходит к ее отдельным элементам и подсистемам, которые начинают функционировать самостоятельно как целостные единицы. Сама же общая система как единое целое перестает существовать.

Особенностью самоорганизующейся системы является полное приспособление к среде (или гомеостазис), что проявляется следующим образом:

- Система стремится приспособиться к среде так, чтобы превратить ее в целом в ресурсный ареал.

- При этом система стремится предельно обезопаситься от вредных влияний среды.

Эти два момента, описывающие гомеостазис, характеризуют стремление самоорганизующейся системы – оптимально приспособиться к среде.

В первом случае, система в процессе своего существования, находясь в относительно неизменных условиях окружающей среды, постепенно эволюционирует таким образом, что она начинает потреблять как ресурсы все множество проявлений данной среды. Безусловно, система не может поглощать абсолютно все, но особенностью высокоадаптивной системы является стремление к этому.

Вместе с тем высокоадаптивные системы отличаются тем, что потребляют тот ресурс окружающей среды, который естественным образом самовоспроизводится. Например, для системы живых существ нашей планеты таким ресурсом оказывается кислород.

Высокая адаптивность системы проявляется не только в особенностях приспособления к условиям потребления ресурсов, но и в функциональном приспособлении к окружающей среде. Так, например, наши предки, троглодиты, использовали пещеры для жилья, камни для производства орудий.

Однако второй случай, деятельность в среде любой самоорганизующейся системы предполагает отработку и выброс продуктов диссимиляции системы. Такие продукты могут «приниматься» средой или нет. «Приниматься» означает, что среда естественным образом потребляет, поглощает эти продукты и превращает их либо в ресурсы, либо в какие-либо другие условия, которые в лучшем случае могут способствовать функционированию системы (или хотя бы быть к ней нейтральны). Если же продукты диссимиляции не поглощаются средой, то они постепенно начинают ограничивать сферу действия и сферу ресурсов окружающей среды, т.е. того пространства, в котором существует система.

Данные два случая показывают как бы «закон» адаптации системы – не нарушай естественный ход вещей. Результатом выполнения этого «закона» становится адаптация, приспособление к внешней среде, достижение баланса, или гомеостазиса. В этом случае мы можем рассматривать самоорганизующуюся систему и среду как некую общую надсистему, в которой элементы ассимилятивно дополняют друг друга. Гомеостазис системы – это, по-другому, ассимиляция среды и системы.

В-третьих, характер взаимодействия объект-среда, определяется целеполаганием объекта и уровнем его активности и устойчивости. Целеполагающей деятельностью может быть названо стремление системы, существующей или в меняющихся или в постоянных условиях среды, выполнять определенный образ действий, который может привести к некоему заданному результату. Стремление к гомеостазису собственно и есть наглядный пример проявления целеполагания самоорганизующейся системы.

Как отмечает Бергаланфи, особый аспект системного анализа при рассмотрении «живых» организмов, организаций есть принятие идеи целеполагания. «Если мы посмотрим на живой организм, то можем наблюдать удивительный порядок, организацию, постоянство в

непрерывном изменении, регулирование и явную телеологию. ... В ... механистическом мировоззрении ... они рассматривались как иллюзорные или метафизические ... оказались вне законной области науки»[23].

Системный метод в социологии представлен, прежде всего концепциями Т. Парсонса и Р. Мертона. В целом этот подход строился на следующих основных принципах: 1. Объект понимается как система, в которой ее части определяются исходя из функции или значения целого; 2. Научное внимание сосредоточено на описании и объяснении внутренних отношений и строении системы[24].

Основой концепции Т. Парсонса является вопрос о соотношении структуры и функции. Исходной точкой в данном случае является определение функций и идентификация их со структурами и частями социальной системы, выполняющими эти функции[25]. На основании этого разворачивается анализ всей социальной системы, предполагающей следующие функции: 1. Адаптация (способность приспособиться к среде); 2. Достижение цели (система должна обладать способностью достигать тех целей, которые продиктованы функцией адаптации); 3. Интеграция (для достижения цели система должна обладать достаточным единством и сбалансированностью); 4. Интернализация (поддержание существующего порядка)[26]. В обществе эти функции осуществляются социальными институтами: первая – экономикой, вторая – политикой, третья – преимущественно правом и аналогичными институтами, четвертая – семьей, образованием, религией и т.п.[27] Однако данные функции воспроизводятся через свои собственные структуры в любом (большом или малом) социуме. В дальнейшем Т. Парсонс дополнил свою концепцию идеями развития, сформулировав принцип: обществам присуще усложнение, дифференциация, при этом шагом эволюции общества можно считать интегрирование всего комплекса существующих и возникающих вновь структурных элементов[28]. Обращаясь к кибернетике, Т. Парсонс выстраивает иерархию от простейшего к сложному: организм – личность – социальная система – культурная система[29]. Устойчивость общества в значительной мере определяется формированием этой высшей организационной кибернетической формы – культурной системы. Практический вывод Т. Парсонса, интересный для данного исследования состоит в признании инварианты (культурной системы, или системы доверия) общества, неизменной даже после социальных катаклизмов[30].

Роберт Мертон главный акцент своей теории делает на развитие идеи аномии. Его внимание в большей мере было сосредоточено не на факте гармонии и устойчивости общества, а на девиации, отклонении от норм. Согласно его точке зрения, возможность аномии существует в самой структуре общества. Главная причина аномии – противоречие между «определяемыми культурой целями» и «институализированными средствами»[31]. Соответственно гармония в обществе зависит от интегрированности культурных целей и устойчивости норм[32].

Работы Никласа Лумана продолжают традицию структурно-функционального анализа, при этом внимание ученого сосредоточено на двух вещах – отношении системы к среде (и здесь он опирается не столько на традицию социологии, сколько на исследования Л. фон Берталанфи) и на изучение механизмов рефлексии или «автопоэксиса» («autopoiesis»). В процессе развития система, взаимодействуя со средой и усложняясь, вырабатывает механизм саморефлексии (социальная система это реализует в институтах права и политики)[33], которой снимает естественный «тремер» системы, направляя ее естественную флуктуацию к равновесию, к оптимальному состоянию, другими словами, именно механизм аутопейсиса в постоянно усложняющихся обществах обеспечивает интеграцию и стабилизацию.

Итак, системный подход открывает возможность исследовать общество как целостность. При этом не замыкаться на «определяющем» факторе, а исследовать целостное взаимодействие, определить структуру объекта и характер взаимосвязей в структуре между элементами и структуры со средой. Достижении системной социологии открывают возможность постижение общества и с точки зрения устойчивого инварианта, и с точки

зрения дисфункционального (аномного) противоречия. Системная социология также обнаруживает механизм преодоления системных противоречий и достижения равновесия и оптимального состояния через функцию аутопейсиса. В этом случае возникает возможность и понимать и ожидать действия объекта.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Следуя сложившейся социологической традиции, наш подход будет основываться на методологии системного анализа. В этой связи, такой подход гносеологически отличен от принципа монизма, ориентированного на поиск ключевой детерминанты, которая как причина определяет следствия. В данной работе мы будем стремиться изучать объект как целостность. При этом основой подхода будет принцип, заложенный Т.Парсонсом: функции являются предпосылками структурных элементов. Однако в отличие от Т.Парсонса, делавшего акцент на структуры, а затем на связи, мы уделим основное внимание именно устойчивым, инвариантным связям системы. Такие связи, на наш взгляд, являются относительно самостоятельными подсистемами, поэтому взаимодействие между ними влияет на характер целостности системы, а значит и на противоречие, которое обнаружил Р.Мертон между целями культуры и институализированными нормами. Такое противоречие, на наш взгляд, снимается в результате саморефлексии социальной системы, аутопейсиса (по терминологии Н.Лумана)

Объектом данного исследования является общество, Российское общество, как сложная целостность. Подход к его изучению будет вытекать из системной парадигмы. В таком случае Российское общество будет рассматриваться как определенная социальная система.

Проблема, поставленная в нашем исследовании, требующая изучения, – сопротивление общественного сознания нововведениям, которые являются следствием конвергенции с западным обществом. «Западное общество», в нашем понимании с географической точки зрения – современные страны Западной Европы, США, Канада, Австралия; с экономической - развитые страны, исключая Японию[34]; с политической - страны, где власть строится на принципе плюрализма; с этической - страны, где мораль протестантизма, трансформировавшись в бытовую нравственность, обеспечила формирование «духа капитализма».

Главной целью нашего исследования является выявление специфики российской социальной системы, ее инвариант, дальнейшая рефлексия которых может послужить к поиску социальных инструментов, методов, которые могут, не нарушая целостности системы, служить «шлюзами» конвергенции.

§2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ. ОБЩЕСТВО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

ОБЩИЙ (ФИЛОСОФСКИЙ) ПОДХОД К ПОНЯТИЮ «СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА»

Исходное определение

Огюст Конт еще в XIX в. сформулировал основную парадигму социологии: социальное должно объясняться из социального на основе позитивного знания[35]. В этой мысли содержится в зародышевом виде то, что в 20-е годы приняло новую форму и начало пониматься как системный подход. Теория систем как методология постижения общества, сформировавшаяся в основном к 60-м годам, приобрела к настоящему времени, благодаря работам Р. Мертона, Т. Парсонса, К. Леви-Стросса, Н. Лумана и ряда других их последователей, качество общепризнанного устоявшегося подхода. Особенность этого подхода – изучение общества как системы, как взаимосвязанной целостности.

Абстрактную характеристику, общую дефиницию системы дает «Философский Словарь»: «СИСТЕМА (от греч. ??????? – целое, составленное из частей; соединение), совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство»[36]. Примем это определение как исходную точку. Конкретизацией его, следующим шагом, будет опора на определение понятия собственно социальной системы: «СИСТЕМА СОЦИАЛЬНАЯ, сложноорганизованное, упорядоченное целое, включающее отдельных индивидов и социальные общности, объединённые

разнообразными связями и взаимоотношениями, специфически социальными по своей природе. Социальной системой являются группы людей, достаточно долгое время находящихся в непосредственном контакте; организации с четко оформленной социальной структурой; этнические или национальные общности; государства или группы взаимосвязанных государств и т. п.; некоторые структурные подсистемы общества: например, экономическая, политическая или правовые системы общества, наука и т. д. В качестве социальной системы может выступать отдельная личность, если она рассматривается с точки зрения тех её характеристик, которые формируются и выявляются в процессах социального взаимодействия. Каждая социальная система в той или иной мере детерминирует действия входящих в неё индивидов и групп и в определенных ситуациях выступает по отношению к окружению как единое целое»[37]. Данное определение, описывая социальную систему, демонстрирует набор свойственных ей характеристик:

- Комплексность. Система представляет собой сложное образование, имеющее разнообразные элементы;
- Целостность. Взаимодополняющая «работа» элементов обеспечивает слаженность и единство всего комплекса;
- Взаимосвязи и взаимоотношения элементов. Целостность и взаимодополняемость, или «поддержка» элементами друг друга и общего единства, осуществляется через механизм взаимодействия, взаимосвязей, действующий как условие целостности;
- Структурность. Определенный строй элементов, порядок их взаимодействия;
- Зависимость элементов от целого. Действия элементов, а иногда и их морфология определяются системой.
- Противостояние, отличие от среды. Система может быть рассмотрена как противостояние внешнему, т.е. система оказывается возможна как целостность, противостоящая среде.

Субстанция («душа») и субстрат системы

В определении, данном в «Философском энциклопедическом словаре», в самом общем виде описаны все основные проявления социальной системы, тем не менее, оно оставляет ощущение недосказанности. Ощущение, как будто нечто упущено, чего-то не хватает в этом определении – какой-то «изюминки». В этом определении присутствует ответ на вопрос: «Какова социальная система?», или как она выглядит, но оставлен без ответа другой вопрос: «в чем же ее суть?», «в чем причина ее единства?». Или в метафорической форме: «Что есть ДУША социальной системы?». Вопрос о душе – не новый вопрос, он достаточно часто встает при изучении социальных систем. Достаточно вспомнить работы Шпенглера и Тойнби. При изучении культур, этносов, наций и т.п. социальных комплексов исследователи зачастую дают феноменальное описание объекта познания: как выглядит, чем отличается и т.п. Но непонятым остается нечто ноуменальное, лежащее за границей описания явления.

На наш взгляд ярким примером решения познавательной задачи при определении ноумена является работа Л.Н. Гумилева, успешно «вскрывшего» ноумен этноса, превратившего этнос-в-себе в этнос-для-нас, разработав теорию пассионарности[38]. Л.Н. Гумилев впервые и весьма успешно применил системный подход для изучения общества (в частности «этноса»). Аналогичную методологическую попытку делает А.С. Ахиезер[39].

Арнольд Тойнби, стремясь понять мировую цивилизацию как целостность, как ее связь с космосом и Богом, внешним миром (т.е. как систему во взаимосвязи со средой), показывает, что физический субстрат цивилизации (социальной системы), находящийся в постоянном движении характеризуется в параметрах пространства-времени. Субстанция, или дух открывают судьбу цивилизации (или смысл ее движения)[40].

Предваряя неприятие самого термина «дух», «душа» сторонниками материалистического подхода, примем предварительное понимание «духа» как ноумена, который неуловим, не верифицируем, но при этом является непознанной сутью целостности системы. Без сомнения, если такое нечто не существует, то не потребуются и объяснения. Однако с таким нечто сталкивались ученые-естествоиспытатели, изучавшие живые системы (при этом не имело значения, рассматривали ли они жизнедеятельность популяции или

отдельных особей). Это нечто относилось к тому, что исследователи были вынуждены признать – живым системам свойственна целеустремленность, стремление к некоей заданной цели. Целеустремленность оказывается необъяснимой с точки зрения материалистического (и более широко - сциентического) детерминизма. С другой стороны, с точки зрения идеалистического детерминизма, целеустремленность принимается, но не как факт познания, а как результат откровения Промысла Божия. А в этом случае происходит завуалированное признание непознаваемости факта целеустремленности. Таким образом, целеустремленность оказывается необъяснима вообще с точки зрения любой формы монистического детерминизма.

Первые подходы к теории систем начинают возникать в биологической науке[41]. Первые попытки определения «организации», «системы» делаются при изучении отдельных особей, отдельных организмов. При этом все подходы наталкивались на очевидное – целесообразное устройство элементов и их связь. Отсюда и вытекает идея «целесообразности», а значит и «цели». В этом ключе живой организм (как система) понимается как целое с присущим ему стремлением к определенной, свойственной ему «цели». И устроен этот организм в «соответствии» с этой целью. Однако возникает резонный вопрос: цель предполагает то, что она кем-то поставлена, кем-то, кто обладает разумом и волей. Вполне естественно, что обыденное сознание задается вопросом: кто же поставил перед организмом такую цель? Но этот вполне «естественный» вопрос лишил науку позитивности и увел исследования в область теологии, религии. Неслучайно до настоящего времени апологетика теизма строится на идее целесообразности. Поэтому позитивная наука рубежа XIX-XX веков стремилась как бы дистанцироваться от идеи целесообразности. Вместе с тем, следствием бурного развития всех отраслей науки в начале XX века будет общее признание методов системного подхода в различных отраслях знания и, что весьма важно, принятие мысли, что «целесообразность» может возникать вполне естественно, без творящей, организующей роли некоего субъекта, стоящего вне системы, или организма. Так, целесообразность в биологическом мире вполне объективна и вытекает из природного действия естественного отбора.

В таком случае собственно термин «целесообразность» оказывается не более чем метафорой, или неопределенным понятием, вводящим в заблуждение. А значит, оно само требует определения, замена же одного неопределенного понятия другим не дает научного приращения знания. В обыденном сознании неопределенные понятия зачастую выполняют функцию обозначения принятого, признаваемого, но непознанного явления, явления на уровне первичного факта. Наиболее ярким примером здесь может служить понятие «НЛО» – «неопознанный летающий объект». Общественное мнение признает наличие факта таких летающих объектов, но наука их не объясняет. В науке зачастую есть свои собственные «НЛО», или неопределенные понятия (понятия, описывающие признанные факты, которые научно не интерпретированы). Наиболее типичными, к примеру, в общественных науках являются такие, как «ментальность», «национальный характер».

Итак, есть смысл признать, что система имеет характер целесообразности, но использование этого термина допустимо только метафорически. Общая метафора, применимая в данном случае, – «душа» системы. Открытым остается вопрос о природе этой «души».

Впервые феномену «целеустремленности» систем дает научное объяснение Богданов в своей фундаментальной работе «Тектология». Основу научной интерпретации он видит в *common sense* биологов, которые «уже давно характеризовали организм как "целое, которое больше суммы своих частей"». Хотя, употребляя эту формулу, они сами вряд ли смотрели на нее как на точное определение, особенно ввиду ее внешней парадоксальности; но в ней есть черты, заслуживающие особого внимания. Она не включает фетиша — ставящего цели субъекта, и не сводится к тавтологии — к повторению того же другими словами. А ее кажущееся или действительное противоречие с формальной логикой само по себе еще ничего не решает: ограниченность значений формальной логики вполне установлена научно-философской мыслью[42].

Согласно мысли Богданова, возможны «организованные», «деорганизованные» и «нейтральные» комплексы[43]. Системой, в современном понимании, может быть назван только один из них - «организованный комплекс». Организованные комплексы – «организованное целое ... практически больше простой суммы своих частей, но не потому, что в нем создавались «из ничего» новые активности[44], а потому, что его наличные активности соединяются более успешно, чем противостоящие им сопротивления[45]»[46]. В дальнейшем естественный отбор между системами и давление среды способствуют фильтрации именно «организованных комплексов». Появление «организованных комплексов» случайно. Такой «комплекс» складывается тогда, когда взаимодействие «активностей» становится типично повторяющимся. Существование «комплекса, в свою очередь, закрепляет типично повторяющиеся «активности», или типичный способ действий.

Богданов справедливо отмечает, что в любой, даже самой устойчивой системе обязательно присутствуют дезорганизационные действия (т.е. «сопротивления», целостный эффект которых меньше их суммы), иначе и быть не может, т.к. система, как отмечалось, формируется случайным образом. Но такие дезорганизационные действия, если они «не подрывают» целостный организационный комплекс, существуют в нем как его элемент.

Примечательно, что в общественной мысли всегда присутствовало стремление создать утопию – рафинированную социальную систему, в которой имеются только «организационные активности». Или другими словами, общество без пороков. На наш взгляд, «утопия» в социальных науках подобна вечному двигателю в науках о природе. Как взаимодействие механических элементов не может происходить без трения, так и в социальной системе не могут не существовать дезорганизационные действия. Их роль для социума, как закономерных и естественных социальных явлений, впервые описал Э. Дюркгейм, введя понятие «аномия»[47].

Очень важно отметить, что для общественных наук, изучающих социальное с точки зрения теории систем, принятие идеи аномии, или учет роли дезорганизационных действий и явлений в системе, показывает отсутствие субъекта-организатора системы, отсутствие ее творца, а тем самым служит основанием позитивного подхода. Необходимо признать и то, что естественный отбор фильтрует «организационные комплексы». Но внутри самой системы закрепляются не отдельные конкурентоспособные (организационные – в этом смысле) «активности», но и «сопротивления», и действия, имеющие для системы нейтральный характер. Вся эта совокупность действий закрепляется как единый типичный способ действия. Таково в общих чертах представление Богданова относительно формирования системы (в данном случае использована и его терминология)[48].

Таким образом, отличительной особенностью системы является типичный, повторяющийся, алгоритмичный набор действий (которые по отношению к самой системе могут быть какие угодно – и организационные, и нейтральные, и дезорганизационные), или способ действий, в общей сумме дающий «организационный» эффект, или эффект, выраженный в формуле – активность целого выше суммы активностей составляющих ее частей.

Две идеи, описывающих специфику системы, - «целое больше части» и «алгоритм действий» - построены на естественнонаучном принципе и объясняют, как возникает система и как возможна ее устойчивость сама по себе. Соответственно, вопрос о «целеустремленности» системы не возникает, если мы рассматриваем систему саму по себе. Вопрос «целеустремленности» - это вопрос взаимоотношения системы и среды. Буквально этот вопрос формулируется так: почему система стремится к самосохранению под давлением среды. Отсюда «целеустремленность» – это стремление системы к «самосохранению». Данный феномен достаточно детально описывает Т.Парсонс, показывая, что, первая, адаптационная функция (способность приспособиться к среде), полагает вторую – способность достигать целей, продиктованных функцией адаптации и т.д. [49] Относительно неорганизационных действий можно утверждать, что они могут быть «полноправными» элементами системы до тех пор, пока не нарушают целостное

равновесие системы или не нарушают общий алгоритм действий, т.е. то, что Т.Парсонс именуется третьей функцией (интеграция)[50].

Вопрос о целостности (интегрированности) системы достаточно подробно рассматривает Р. Мертон. Целостность он показывает через ее противоположность, тем самым определяет ее границы. Целостности противопоставляет «аномия», или, по терминологии А.А. Богданова «сопротивление», действия, ведущие к дезорганизации. Р. Мертон показывает природу этих действий. По его мнению, целостность общества характеризуют два параметра: «интегрированность» и «стабильность». Первое соотносительно с «культурными целями», второе – с «институционализированными нормами».

Цели – это намерения и интересы, выступающие в качестве законных целей для всего общества или же для его отдельных слоев. «Варьируя по значимости и формируя к себе различное отношение, господствующие цели вызывают устремленность к их достижению и представляют собой "вещи, к которым стоит стремиться"»[51]

«Второй элемент ... определяет, регулирует и контролирует приемлемые способы достижения этих целей. Каждая социальная группа всегда связывает свои культурные цели и способы их достижения с существующими моральными и поведенческими нормами. Последние не обязательно совпадают с нормами техничности или эффективности. Многие способы действий, с точки зрения отдельных индивидов, наиболее эффективные для достижения желаемого ... не разрешены в культуре общества ... критерием приемлемости поведения является не его техническая эффективность, а основанные на ценностях человеческие установки (поддерживаемые большинством членов группы или теми, кто способен содействовать распространению этих установок при помощи силы или пропаганды). В любом случае выбор средств достижения культурных целей ограничивается институционализированными нормами»[52].

Соответственно, социум интегрирован, если допустимые им цели не противостоят его целостности. Социум стабилен, если существующие институционализированные нормы приняты индивидами, представляющими этот социум.

Аномия возникает, как следствие несогласованности целей и норм (средств). Р. Мертон предлагает схему типов индивидуального приспособления, которые могут приобретать характер аномии действия:

Таблица 2. Типология форм индивидуального приспособления[53]

Формы приспособления

Определяемые культурой цели

Институционализированные средства

Конформность

+

+

Инновация

+

-

Ритуализм

-

+

Ретритизм

-

-

Мятеж

+ -

+ -

Конформизм – принятие представителями социума и целей, и норм, что обеспечивает устойчивость общества и преемственность культуры. Данный тип согласования – норма[54]. В таком социальном действии присутствует движение к типичной цели типичным способом. В случае установления конформного действия как типичного и

массового способа действия достигается высокий уровень стабильности и интегрированности общества. Вместе с тем, такое общество становится относительно не восприимчиво к инновациям и может существовать как относительно замкнутое и закрытое для внешних влияний. В целом конформизм приводит к консервации, сохранению в неизменном виде сложившегося алгоритма действия. Такое общество будет предельно устойчиво, если, во-первых, естественно развивающаяся дифференциация общества не приведет к рассогласованию целей и средств, или, если, во-вторых, внешнее влияние (экологическое, экономическое, политическое и т.п.) не выведет всю систему из равновесия. Это показывает, что согласованность целей и средств является еще не достаточным условием устойчивости социума, не случайно Н. Луман обращает внимание на феномен саморефлексии социума[55]. А.С. Ахиезер рассматривает саморефлексию социума как важнейший фактор и устойчивости, и позитивного развития системы: «Человеческая история отличается от биологических процесса тем, что она рефлексивна. Рост рефлексии означает усиление способности человека делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности, содержанием своей культуры, своего действия, предметом своей озабоченности, своей критики. Любое познание истории включает не только описание предметного содержания исторического события, объяснение его причин и условий, но и понимание того, в какой степени сами люди осознали содержание собственных действий и соответственно научились их изменять, корректировать»[56].

К консервации алгоритма действия, только в более жесткой форме без «цели», без смысла ведет «ритуализм», предполагающий превалирование норм над целями[57]. Такое действие становится «бессмысленно» однотипным. В повседневной жизнедеятельности индивида ритуальные действия составляют достаточно значительную долю всех действий (рукопожатие, курение, чаепитие – все те действия, которые утратили свою функциональную значимость и осуществляются по привычке). Ритуализм может проявляться не только в отдельных действиях индивид, но стать основным способом индивида в его приспособлении к социуму. Это происходит в том случае, если индивид не в состоянии принять культурные цели, тогда основным мотивом его поведения становятся институализированные нормы, и такой индивид действует по принципу: «меня "ваши" цели не касается, я действую по инструкции». Ритуализм приобретает характер социального действия, если в обществе «нет» культурных целей, но действие определяют «только» институализированные нормы. Реально такая социальная система не может существовать, не «предлагая» индивиду культурные цели (т.к. человека не возможно превратить в винтик механизма). Культурные цели такой системы оказываются жестко вписанными в институциональные нормы и при этом сведены к минимуму (так, например, раб или заключенный концлагеря могут иметь только одну «цель» – выжить сегодня, а для этого следовать «нормам» надсмотрщика).

Инновация имеет несколько иной характер социального действия в отличие от рассмотренных. Инновация – такое социальное действие, которое предполагает принятие культурных целей, но при этом относительно «свободно» от институциональных норм. «Эта форма приспособления вызывается значительным культурным акцентированием цели-успеха и заключается в использовании институционально запрещаемых, но часто бывающих эффективными средств достижения богатства и власти, или хотя бы их подобия. Такая реакция возникает, когда индивид ассимилировал акцентирование цели без равнозначного усвоения институциональных норм, регулирующих пути и средства ее достижения»[58]. В данном случае и в такой форме приспособления индивида, и в социальном действии заложена предпосылка дезорганизации, или аномии.

Возможность возникновения действия, направленного на достижение цели без «учета» институциональных норм, связана с рядом обстоятельств. Необходимо заметить, что отказ от типичного образа действий – достаточно трудный выбор, как для социума, так и для индивида. Для того чтобы такое действие оказалось возможным в массовом социальном плане, необходима масштабная деформация или дезавуирование институциональных норм. Такое оказывается возможным, если действие социальных институтов, осуществляющих

контроль над исполнением институциональных норм, становится неэффективным, либо такие институты утрачивают достаточное влияние по другим причинам, либо эти институты еще не сложились. Во всех этих случаях есть один общий момент – такое возможно в случае деформации всей социальной структуры. А это уже связано либо с влиянием внешней среды, либо с внутренними процессами системы. Поэтому есть основания утверждать, что инновационное действие – реакция на процесс деформации системы. В этом смысле инновационное действие – одновременно и процесс и результат модификации типичного образа действия (действия, сбалансированного целями и нормами).

Крайней формой модификационного действия может быть мятеж (или революция)[59].

И особой формой деградации социума и индивида является «ретретизм», исключая принятие целей и «неподвластность» нормам (например, движение хиппи и т.п.). В данном случае отсутствует и стабильность, и интеграция, а как следствие социум лишен потенциала для изменения (модификации) и сохранения (консервации).

Флуктуация социальной энергии активизирует «маятниковое» балансирование системы между «ритуализмом» (консервацией) и «инновацией» (модификацией). Мерой движения такого маятника является «конформизм». Однако движение «маятника», стимулируемого высоким запасом социальной энергии, таково, что он «проскакивает» среднее состояние. Движение от одного состояния к другому «раскачивает» социальную систему и тем самым является аномным действием, ведущим к нарастанию социальной энтропии, формой которой является «ретретизм», или социальная апатия. Условием, противостоящим энтропии, является социальная рефлексия, функцией которой является трансформация энергии деструктуризации социума в энергию баланса, конформизма.

Необходимо отметить, что, несмотря на факторы, нарушающие сложившийся порядок вещей, система стремится к равновесию, или другими словами к воспроизводству прежнего алгоритма. Соответственно, система существует до тех пор, пока воспроизводит в различных модификациях сложившийся алгоритм поведения. Как только сложившийся способ действия оказывается нарушенным, на его месте начнет формироваться другой, и возникнет совсем иная система.

Однако формы ретретизма и инновации необходимы для любого социума. Как ни парадоксально, но именно аномные формы обеспечивают иммунитет – целостность и устойчивость системы (аналогично прививке от вируса). Реально конкретные формы аномии оказываются фактором устойчивости системы и даже могут выступать в качестве фундаментального элемента. В целом дезорганизационные активности, аномии, допустимы и нормальны, пока они не нарушают целостность системы, не нарушают целостный алгоритм.

Таблица 3. Соотнесение схемы Р.Мертон с формами индивидуального и социального действия

Индивиду - альные действия

Индивидуальное приспособление по Р. Мертону

Социальное действие

Аномия (акцентуация социального действия)

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ДЕЙСТВИЯ

«Адекват-ное» действие

Конформность

Социальное действие, определяемое социальной рефлексией

Не возникает

Консервация

Ритуальное действие

Ритуализм

Традиционализм

Тоталитаризм

Действие мотивированное интересом

Инновация
Социальный эксперимент
Социальная переменная (перестройка или реформирование, обычно ведет к анархии)
Модификация
Протест
Мятеж
Социальный протест
Революция
Апатия
Ретритизм
Социальная апатия
Коллапс

Дезорганизация
Китайское проклятие: «чтоб тебе жить в эпоху перемен», социальная переменная предполагает смену культурных целей и дезавуирование существующих институализированных норм.

Целесообразность – к цельности – обеспечение адаптации – цельность допускает аномии – цельность в алгоритме комплексе всех действий

Итак, феномен «целестремленности» систем открывается через принцип «целое больше суммы своих частей». Комплекс становится системой (организованным комплексом), если происходит такое сочетание действий элементов этого комплекса, что они дают коммулятивный эффект, при котором «целое больше суммы своих частей». Естественный отбор обеспечивает преимущество организованных комплексов (систем). Однако сами системы агрегируют не только действия, обеспечивающие организацию, («активности»), но и действия, не дающие организационный эффект, которые при определенных условиях, акцентируясь, приводят к аномии («сопротивления»). Между тем система складывается, формируя свойственный только ей набор действий (активностей - сопротивлений или организационных действий – аномий), которые, повторяясь, закрепляются как устоявшийся алгоритм действий.

Исходя из этого, следует, что системам присущ свойственный только им способ или алгоритм действия, который может включать в себя и необходимые, и бесполезные, и даже вредные действия. Сложившись как постоянно повторяющийся, типичный образ действия, такой алгоритм, приобретает характер программы действия, ориентированной на самоподдержание, самосохранение системы. Типичный, повторяющийся способ действия, алгоритм, программа в метафорической форме могут приобрести название «души», целестремленности (целестроения и т.п.). То, что названо нами, как «типичный, повторяющийся способ действия» имеет свою интерпретацию в различных науках, религии или направлениях общественной мысли, прибегают к этому понятию в тех случаях, когда стремятся понять «загадку» целостности того или иного явления действительности. Представление о типичном, повторяющемся способе действия по-разному интерпретируется в различных областях культуры. Стремясь определить загадку целостности тех или иных явлений действительности, религия, говоря о человеке, обращается к его душе; Данилевский и Шпенглер, пытались определить единство культуры, говорят о душе культуры. В экономике и социальной философии Маркс говорит о способе производства, Фрейд, Юнг, Павлов, другие психологи и психофизиологи – о динамическом стереотипе поведения, Гумилев – о комплексном стереотипе этноса, Винер – о программах. Все эти номинации суть интерпретация одного и того же. В дальнейшем, в нашей работе, прибегая к метафорам таким, как «душа», «дух», определимся, что мы понимаем под этими терминами прежде всего «типичный, повторяющийся способ деятельности» (алгоритм, программа), случайно возникший и спонтанно ориентированный на самосохранение системы.

Вместе с тем системный алгоритм действия осуществляется в определенной среде, определенными элементами, при определенных условиях. В живой системе

просматривается, в том числе и степень активности элементов (обеспечивающих в целом и движение всей системы). Все это вместе будем понимать как субстрат системы.

Особым моментом субстрата является энергия системы (проявляющаяся в активности). Учитывая, что систему организуют «активности» (по терминологии А.А. Богданова), или «действия» (по терминологии Т. Парсонса, Р. Мертон и др.) сконцентрируем наше внимание именно на этом феномене субстрата системы.

Активность социальной системы определяется ее энергией или возможностью превратить ресурсы системы в направленное действие. Такая энергия может быть дана системе изначально в момент ее возникновения, а может быть аккумулирована системой в процессе существования. Соответственно, активность систем – индикатор, показатель того, обладает система энергией или нет. Концепции Шпенглера, Тойнби, Гумилева[61] демонстрируют, что социальные системы в процессе развития расходуют энергетический потенциал и «окаменевают». Гумилев показывает кривую пассионарности – модель динамики активности этнической системы[62] (см. рис.).

Кривая этнической пассионарности вполне соотносима с изменением активности любой социальной системы. «... Кривая проявления пассионарности равно не похожа на линию прогресса производительных сил – экспоненту, ни на синусоиду, где ритмично сменяются подъемы и спады, ни на симметричную циклоиду биологического развития. Предложенная нами кривая асимметрична, дискретна и анизотропна по ходу времени. Она хорошо известна кибернетикам как кривая, описывающая сгорание костра, взрыв порохового склада и увядание листа»[63]. Общий алгоритм «сгорания» энергии этноса в целом аналогичен алгоритму любой социальной системы. Этот алгоритм, исходя из приведенной схемы, имеет следующие этапы:

- накопление энергии (как накоплению энергии этносом в фазе инкубации[64]);
- расходование накопленной энергии («перегрев» и «акматическая» фаза, «надлом» этноса[65]);
- сохранение и поддержание оставшейся энергии (фазы «инерции», «обскурации» и «реликта»[66]).

В зависимости от фазы развития системы бывают «энергичными» и «неэнергичными». При этом энергичным системам свойственно расходовать свою энергию не только на поддержание основного алгоритма, основной программы. Спонтанный выплеск энергии системы не всегда соотносим с целесообразным действием.

Тем не менее, в самом общем виде социальная материя, воспроизводящая себя в движении как единую целостность, «целесообразно» стремящаяся к самовоспроизводству, самосохранению, есть внешняя форма системы, или ее субстрат.

В субстрате и только в нем находит свое воплощение субстанция системы, ее «душа», определенная нами как «типичный, повторяющийся способ деятельности». Другими словами, для существования «души» необходимо материальное «тело». Таким «телом» и является субстрат. Поэтому «душа» воплощена в субстрате («теле»), без которого она не существует.

Однако, «душа» не только воплощена в субстрате и проявляется через него, она также имеет и свое собственное автономное бытие, которое есть, прежде всего, характер и форма структурирования системы, программы, способы управления и контроля, особенности движения, передачи и хранения информации. Именно на это указывает Луман: «...материал для построения системы берется из окружающей среды и может быть взят из нее ready-made. Автономия системы заключалась исключительно в ее структуре, программах, принципах управления. Мир полагается в качестве материального континуума, в котором система обозначает границы на уровне своей организации (но не в смысле материала и энергии) и тем самым создает эмерджентный порядок»[67].

«Материал из окружающей среды» и «программа и принципы управления» - два поля системы, материальное и информационное, которые находятся в плотном взаимодействии друг с другом и оказывают друг на друга взаимное влияние, при этом оба поля,

взаимодействуя, стремятся сохранить свою основу. А понимаемая как единая целостность система противостоит среде – и в этом противостоянии она стремится сохранить уже всю свою целокупность.

СИСТЕМА И СРЕДА

По мысли Гегеля, бытие находит себя в своем ином[68]. Бытие системы находит себя в своем инобытии – среде. Н. Луман, применивший логику Гегеля к теории систем, отмечал: «если система возникла, то она способна к самоограничению и благодаря этому отграничивает себя от окружающей среды[69]». Опираясь на сказанное, исходным моментом любой системы, началом ее бытия, является самоопределение.

Однако, признавая «инициативу» системы в самоопредмечивании и самоопределении, имеет смысл найти исходные моменты формирования социальной системы, предпосылки, служащие возможностью для ее самореализации. При этом такие предпосылки не есть детерминанты. Предпосылки, имплицитно содержащиеся в среде – это набор возможностей, в которых потенциально хранится социальная система. Они не предопределяют линейный причинно-следственный выход. Предпосылки – это те условия, которые открывают возможность возникновения системы. Или «простая контингенция»[70] существующего (по терминологии Лумана), неотличимая от множества других возможностей, в которой еще не содержится указания на границы изменений. Но именно специфический набор этих предпосылок (контингенций) может повлиять на своеобразие социальной системы.

Исследования влияния природы, внешней среды в целом, на общество имеют давнюю традицию. На сегодняшний день множество концепций можно дифференцировать по принадлежности к двум противоположным подходам, на одном полюсе – концепции, признающие жесткий детерминизм природной среды, ее определяющее воздействие на формирование и развитие обществ (традиция Бокля, Хаусхофера), на другом – концепции, игнорирующие влияние природы.

В этом плане отлична, своеобразна и интересна идея Вызова-Ответа, суть которой заключается в стремлении учесть взаимовлияние человека и природы, социальной системы и среды. Основоположником ее является Арнольд Тойнби, по мысли которого между людьми и Богом как бы происходит постоянный диалог. Бог бросает Вызов тому или иному человеческому сообществу, которое, если не способно ответить на этот Вызов, погружается в застой или быстро погибает. Хотя Вызов и послан Богом, но обществу он предстаёт в эмпирическом, чувственном виде. Это могут быть какие-либо явления окружающей среды, или нашествие соседей, хозяйственный кризис и т.п. Вызов не должен быть ни сильным, ни слабым, а оптимальным. К примеру, такой Вызов, как жёсткие условия Заполярья, способен поглотить энергию эскимосов, которой едва хватает только на сопротивление вечному холоду. Наоборот, изобилие пищи в Африке, мягкие климатические условия не стимулируют человека к сверхусилиям[71]. По мнению Тойнби, система до Вызова пассивна, адекватность действия и сила активности обнаруживается только в Ответе.

Идею Вызова-Ответа в дальнейшем, разработав концепцию пассионарного импульса, развивает Гумилев. Критикуя Тойнби за непоследовательность, Гумилев стремится показать «непровоцируемую» активность социальных систем (этносов в данном случае). Активность, пассионарность этносов спонтанна, но это – результат действия окружающей среды. Именно при воздействии среды социальная система «заряжается» энергией. В общем смысле Тойнби и Гумилев понимают Вызов как источник энергии для человеческого сообщества. Вызов, или пассионарный импульс, – это одна из главных предпосылок возможности формирования социальной системы. Оба автора по-разному показывают процесс формирования общества под влиянием Вызова. В обществе неожиданно возрастает социальная активность, при этом до такой степени, что система лишается возможности сохранять свою целостность. В дальнейшем постепенно активность естественным образом снижается. «Кипящая лава» приобретает определенные внешние формы (например, Гумилев наглядно показывает процесс перехода от «консорции» к «конвиксии», процесс организации группы через регуляцию активности и создание условий

воспроизводства[72]). Такой процесс, процесс «окостенения» Богданов именует депрессией, в результате которого создаются жесткие конструкции для поддержания и сохранения энергии системы[73] (в примере Гумилева такими «жесткими» конструкциями системы оказываются стереотипы поведения и нормы, а также институт матримониальных отношений, поддерживающий эти нормы и стереотипы[74]). В качестве материала для строительства системы используются как ресурсы внешней среды, так и реликты прежней системы, которые также принимаются как факторы внешней среды. Именно тогда, когда складываются первые четко определяемые элементы депрессивных конструкций, возникает возможность системы для самоопределения. Особенности депрессивных конструкций зависят от двух характеристик – от изначального материала и силы энергии. Или каково качество и специфика материала (его характер и податливость) и какова сила активности и специфичный характер проявления социальной энергии, реализуемой своими носителями. До момента возникновения первых депрессивных конструкций, способных заключить в себя спонтанную общественную энергию, социальной системы не существует. Крушение старого мира есть функционирование, хотя и агонизирующее, старой системы. Но когда в лоне старого проступают устойчивые (именно) конструкции, поддерживающие уже возникший алгоритм, способ действия, можно говорить о начале становления новой системы.

Рассмотрим пример из теории Гумилева. Консорция (первоначально возникший социум, объединенный только общими целями) формирует определенные стереотипы действий у своих индивидов. При этом эти стереотипы оказываются недолговечными и зачастую сменяются другими. Поэтому такой феномен как консорция весьма пластичен и недолговечен. Но как только формируются нормы, ограничивающие отступление от стереотипа, стереотип начинает воспроизводиться. В этом случае консорция превращается в конвизию (социум, объединенный не только целями, но и нормами поведения). Стереотипы консорции – действие спонтанной энергии. Нормы, налагаемые на стереотипы, служат «костяком», основанием устойчивости стереотипов. Нормы «оформляют» спонтанную энергию, лишают ее изменчивости[75]. Перерождение консорции в конвизию – это процесс депрессии, или «овеществления» энергии[76]. Поэтому началом социальной системы является оформление спонтанной энергии, импульса, превращение спонтанной энергии в устойчивую форму. Соотнося концепцию Л.Н. Гумилева с теорией Р. Мертона, отметим, что консорция – это «инновационный» социум, интегрированный только общими целями и высокой активностью, проявляющейся в стремлении к этим целям. В процессе социального действия такого социума формируются способы достижения целей, приобретающие повторяющийся характер. Такие способы действия закрепляются в «правило» действия, а тем самым становятся «институциональными» нормами. Так возникает конвизия, или высокоэнергичный «конформный» социум.

Характеризуя Вызов в целом, подчеркнем, что он не есть линейная детерминанта, приводящая к однозначным последствиям. Вызов – это не более чем предпосылка (контингенция), дающая шанс, возможность для возникновения социальной системы. В таком случае Вызов совсем не обязательно должен обладать тем «роковым» характером как у Тойнби – дать Ответ или погибнуть. Вызов скорее подобен вызову на дуэль или состязание, а поэтому может быть принят, а может и нет. Отказ от ответа на вызов может привести к потерям, а может пройти безнаказанно. Однако, если Вызов явно выступает в форме роста социальной активности и разрушает сложившиеся формы и структуры, то Ответом (как конечным результатом) на него может быть либо трансформация социальной системы с созданием таких конструкций (институционализированных норм), которые адаптивны к целой системе и новой активности, либо полное разрушение системы.

Процесс становления социальной системы первоначально привязан к среде. Именно среда дает ресурсы для существования и посылает Вызов, который в конечном итоге может выразиться в спонтанном всплеске социальной активности. В качестве среды может выступать и окружающая природа (как у Гумилева), и элементы старой цивилизации, старого общества (как у Тойнби). Вместе с тем, вопрос о взаимодействии системы и среды всегда дополнялся другим: в какой мере социальная система оказывается независима от

среды, или, как, находясь в окружающей среде, система осуществляет себя автономно? Ответ на этот вопрос содержится в трех положениях, имеющих в работах Никласа Лумана:

1. Система независима от среды и противостоит ей в плане создания информационного поля: программ действия, принципов управления и построения элементов: автономия системы заключается исключительно в ее структуре, программах, принципах управления[77].

2. Система может принимать или не принимать влияние среды. В первом случае система потребляет такое влияние, среда воспринимается как ресурсы существования системы. Во втором случае влияние среды нарушает привычное функционирование системы, оказывает на нее сбивающее действие, такое влияние нарушает работу программы. «Окружающая среда ... не соуправляет операциями системы ..., но она может нарушить операции системы, мешать им»[78].

3. Сбивающий фактор среды превращается в ресурс в том случае, если социальная система оказывается в состоянии «оценить» роль влияния этого фактора на успешное функционирование программы или, другими словами, когда сбивающее воздействие приобретает информационное выражение. Словами Лумана, «если (и только если) влияния окружающей среды проявляются в системе в качестве информации и могут быть переработаны системой как таковые»[79].

В таком случае среда может быть либо «понятной», либо «сбивающей». Собственно тойнбиановский Вызов – это сбивающее влияние среды, а Ответ – «понимание», «саморефлексия», оценка и противодействие, направленное на восстановление баланса со средой. Реакции системы на Вызов может не быть до тех пор, пока не будут оценены результаты действия сбивающего фактора.

Ответ социума (в тойнбиановском смысле) в целом проявляется в адаптации системы к сбивающему воздействию. Действие сбивающего фактора нарушает материальные элементы структуры системы, что оказывает воздействие на возможность осуществления сложившихся связей и взаимодействий, а в целом нарушает работу комплексной программы системы. Или, другими словами, «сбивающее» влияние среды проявляется в том, что это влияние нарушает «материальную» оболочку системы и тем самым мешает функционированию «информационного» поля, мешает осуществлению программы – типичному, повторяющемуся способу действия. В таком случае Ответ – есть ни что иное, как приведение в соответствие информационному полю материальной оболочки, или изменение (приспособление) субстрата таким образом, чтобы он соответствовал требованиям программы (субстанции).

При ближайшем рассмотрении, система приобретает вид кибернетической схемы, которую мы строим по аналогу с кибернетической схемой Т. Парсонса.

Схема 1. КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ СХЕМА Т.ПАРСОНСА

I
II
III
IV
V

ПОДСИСТЕМЫ ДЕЙСТВИЯ

ФУНКЦИИ В ОБЩИХ СИСТЕМАХ ДЕЙСТВИЯ

ЯДРО

ВНУТРЕННИЕ СРЕДЫ

ВНЕШНИЕ СРЕДЫ ДЕЙСТВИЯ

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

«Высшая реальность»
Высокий уровень информации (контроль)
Поддержание образца

Система культуры

Интеграция
Социальная система

Достижение цели

Система личности
Иерархия обуславливающих факторов
Иерархия контролирующих факторов
Адаптация

Поведенческий организм

Физико-органическая среда

Высокий уровень энергии (условия)

«На схеме ... представлены основные отношения между социальной системой и общей системой ее внешних сред в терминах используемой ... функциональной схемы.

В столбце I перечислены функциональные категории, интерпретируемые здесь на уровне общего действия. В столбце II социальная система вычленяется из других в соответствии с ее интегративными функциями внутри системы действия. В столбце III ... перечисляются три другие первичные, подсистемы действия, являющиеся непосредственными (в рамках действия) средами социальной системы. В столбце IV представлены две среды, внутри которых функционируют системы действия, а именно: физико-органическая среда, отношения в которой опосредованы в первую очередь поведенческим организмом; и среда, которую мы называем «высшая реальность», отношения с которой опосредованы конститутативными символическими системами (то есть религиозными компонентами) культурной системы. Наконец, в столбце V показаны два направления, в которых различные факторы осуществляют свое влияние на эти системы. Стрелка, идущая вверх, фиксирует иерархию условий, которые на каждом следующем кумулятивном уровне являются, перефразируя распространенное выражение, "все менее необходимыми, но все более достаточными". Стрелка, идущая вниз, обозначает иерархию контролирующих факторов в кибернетическом смысле. Если мы движемся вниз, контроль над все более необходимыми условиями делает возможной реализацию образцов, планов или программ. Системы, расположенные в иерархии выше, имеют более высокий уровень информации, а расположенные ниже — более высокий уровень энергии»[80].

Схема 2. КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

(в сравнении со схемой Т. Парсонса)

Социальная система

Высокий уровень информации (контроль)

Иерархия уровней построения системы

Схема построения системы

1 уровень

Управление

2 уровень

Функции

(поддерживают status quo, или типичный, повторяющийся способ действия)

3 уровень

Структура

Иерархия обуславливающих факторов

Иерархия контролирующих факторов

4 уровень

устоявшийся комплекс

связей

построение

элементов

5 уровень

Элементы :

Индивиды, социальные группы, социальные институты, социальные учреждения и т.п.

Высокий уровень энергии (условия)

«Сбивающее» влияние среды начинается на «низшем» уровне субстрата, под его действием первоначально «теряются» элементы, что нарушает их построение и связи. Затем, в результате этого, возникает деформация структуры и функций, вследствие чего утрачивается возможность управления системой.

Одним из вариантов Ответа на сбивающее влияние среды является случайная фильтрация только «организационных активностей», «неорганизационные активности» погибают в таком произвольном естественном отборе. Так в принципе может возникнуть идеальная (оптимальная) система. Рассуждая формально-логически, или опираясь на принцип причинно-следственной детерминации, с необходимостью приходишь к выводу, что возникновение такой системы не только возможно, но единственно возможно: среда первоначально в естественном отборе сохраняет только такие комплексы, которые приобретают характер системы, а далее, оказывая на них воздействие, рафинирует в них только организационные активности, в итоге можно ожидать, что появятся только идеальные социальные системы. В результате адаптация к среде идет за счет снижения дифференцированности системы. Ярким биологическим примером такой адаптации к среде является солитер (живой организм упростивший свою дифференцированность до предела, сохранив только такие функции, которые поддерживают существование). В принципе, снижение дифференцированности свойственно и социальным системам. По всей видимости, состояние многих первобытных племен, описываемое Л.Н. Гумилевым как «гомеостазис»[81], результат такого «регресса». Необходимо подчеркнуть, что гомеостатические системы идеально, оптимально приспособлены к среде.

Становление «идеальной» системы возможно, если предположить, что система пассивна и страдательно фильтрует организационные активности. Однако социальная система способна реагировать активно и целенаправленно, что в поведении социальных систем проявляется в саморефлексии (то, что Н.Луман называет «аутопейсис») и управлении. Управление человеческой организацией выполняет четыре функции: организацию взаимодействия, мотивацию (стимуляцию) индивидов, планирование и контроль

деятельности[82]; или, другими словами, управление проявляется в определении целей (принятии решения), постановке задач (или выработке способов действия и доведения до каждого человека его функций), контроле выполнения и устранении факторов (внутреннего и внешнего характера), мешающих реализации цели.

С точки зрения нашего подхода управление: во-первых, обеспечивает выполнение, сложившегося способа действия или устанавливает таковой (постановка целей, выработка способов их достижения и контроль) и, во-вторых, устраняет негативные факторы. Последнее очень важно, так как самой общей функцией управления является сохранение, поддержание типичного способа деятельности. При этом факторы, мешающие управлению, могут быть внешними (давление среды), а могут быть и внутренними, например, спонтанная активность элементов системы. Действие управления проявляется в реагировании на сбивающие факторы, что предполагает создание защиты от внешнего давления и устранения последствий разрушения этого давления; усмирения активностей, направление спонтанной энергии «на мирные цели». Все это в комплексе – тоинбиановский Ответ, или лумановский аутопейсис, или саморефлексия Ахиезера – определенная система мер, программа действий, построенная на оценке сбивающего фактора (т.е. принятие его давления как информации). Все это ведет к тому, что функция управления с необходимостью приобретает институциональную форму, опредмеченную в конкретной социальной структуре, как особая подсистема. Особым случаем сбивающего фактора может выступать спонтанный всплеск активности в самой системе. Поэтому в дальнейшем под общим понятием «сбивающий фактор» мы будем понимать все, что мешает осуществлению программы системы.

Управление обеспечивается способностью системы к целеполаганию. Здесь возникает один парадокс. По причинно-следственной логике, система, неспособная к осуществлению функции управления, должна под давлением сбивающих факторов фильтровать только организационные активности и естественным образом, закономерно, превратиться в «идеальную систему». Но социальные системы реагируют не естественным образом, т.е. не случайно, а устанавливая цели, и, тем самым, мешают превращению системы в идеальную. Особенность систем, обладающих функцией управления в том, что собственно управление, строящееся на принятии решений, предполагает выбор, который может быть и неадекватным. В результате чего социальная система может прийти к коллапсу.

Парадокс в том, что системы не способные к управлению, реагируют пассивно и превращаются в идеальные системы. Системы, реагирующие активно, целеопределенно, в случае не адекватного выбора решения, способны нарушать свое внутреннее равновесие, осуществление своей основной программы. Или в лучшем случае получают неожиданный результат, вместо планируемого, который сам начинает выступать как сбивающий фактор.

В результате отметим, на существование системы влияет не собственно среда, а то, что мы понимаем под сбивающими факторами, в качестве таковых выступают:

- «непонятое» давление среды, или такое воздействие среды, которое не имеет для системы информационного выражения, в результате чего нарушается материальная оболочка системы, что мешает осуществлению основного алгоритма, основной программы;
- спонтанный рост в самой системе числа дезорганизационных активностей (Ленин, рассматривая революционный процесс, называл это «ростом социальной активности масс»[83]; Гумилев, изучая этногенез, называл это «пассионарным толчком» и «пассионарным перегревом»[84]);
- целеполагающие дезорганизационные управленческие действия (в случае неадекватного управленческого решения, на это особо обращает внимание А.С. Ахиезер в своей концепции[85]).

Итак, центральным стержнем, цементирующим систему, является программа, или типичный, повторяющийся способ действия. Программа преобразует ресурсы среды в свой материальный субстрат. Характерным, часто встречаемым качеством социальной системы является способность к выполнению функции управления. В самом общем виде программа

(типичный способ действия), направлена на обеспечение САМОСОХРАНЕНИЯ системы. Самосохранение предполагает две основные функции системы:

- способность «свободно» потреблять ресурсы среды, превращать их в свой субстрат, быть открытой;
- обеспечить защиту от сбивающих факторов, быть закрытой.

В таком случае то, что метафорически именуется «целью» системы, «стремлением к самосохранению», есть ни что иное, как выполнение этих двух отмеченных программных функций, имманентно вытекающих из факта, обозначенного Богдановым как принцип «организационного комплекса» («целое больше суммы частей»)[86]. Поэтому стремление системы к ЦЕЛИ необходимо понимать не с точки зрения «осознанного» стремления, а исходя из обозначенных функций. В этом смысле система не стремится к оптимальному способу действия. Она не стремится прогрессировать, или улучшать себя во взаимодействии со средой. Она «стремится» только к одному, реализовать типичный способ действия («жить по своему»), но при этом быть независимой от сбивающих факторов среды и недостатка ресурсов.

ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Система возникает спонтанно. Изначально, исходя из условий окружающей среды, возникают отдельные активности, которые случайным образом создают то, что Богданов называет «организационным комплексом». В результате взаимодействия этих активностей в организационном комплексе формируется алгоритм взаимодействия, первоначальная «эмерджентная»[87], как отмечает Луман, клеточка системы. «Организационный комплекс», построенный только на алгоритме активностей может пониматься как система, но система неустойчивая. Устойчивость системы возникает тогда, когда расходуемая энергия активностей начнет перерабатывать ресурсы среды в свой субстрат и одновременно создавать защитные формы (это Богданов именуется «депрессией»[88]) от сбивающих факторов. Как феномен депрессии может сформироваться функция управления, что наиболее свойственно социальным системам. Такая функция, как правило, институционально опредмечивается, тем самым формируется как определенная структурная подсистема (со всеми признаками системы), которой свойственен подбор организационных активностей в условиях постоянно действующих сбивающих факторов. Вполне естественно, что система может иметь или не иметь отдельную подсистему управления. Что касается социальных систем, то подсистема управления отсутствует только в примитивных обществах. Все сложные социумы имеют подсистему управления. При этом само управление может быть выражено в виде отдельного блока или, напротив, быть «разлитым» в системе, иметь один или много центров. Реально управление в социальных системах имеет две основные формы – моноцентричное и полицентричное, или иерархия и плюрализм.

Системы иерархические

В реальности в чистом виде плюралистическое управление для социальных систем является весьма не типичным, хотя и встречается. Напротив, наиболее распространенными являются системы с иерархическим управлением. В иерархических системах предполагается не просто различие подсистем, но и более строгая дифференциация по потреблению ресурсов и разной степени защиты таких подсистем от сбивающих факторов. Иерархическая система определяет приоритет в потреблении ресурсов и наивысшую степень защиты для подсистемы управления. Можно привести достаточно большое количество примеров из разных сфер, но наш взгляд показательным является следующий. В человеческом организме подсистемой управления является мозг. При недостатке ресурсов для его питания, положим сахара или кислорода, поступает «команда» получить эти ресурсы за счет разрушения других органов – печени, мышц и т.д. Здесь работает принцип: удовлетворение потребностей центра управления является приоритетным.

Процесс, в результате которого возникает центр, определяющий действия системы в целом, Богданов называет «агрессией»[89], именно в этом смысле мы далее будем использовать этот термин. Соответственно, тенденцию системы к дифференциации своих

подсистем по приоритетности отношения их к защите и потреблению ресурсов назовем эгрессивной тенденцией. Эгрессивной системой будем называть такую, в которой преимущественно реализуется указанная тенденция, а эгрессивной структурой – таковую, в которой элементы построены иерархически, а высший уровень отведен управляющему центру.

Системы плюралистические

По мнению Богданова, системы имеют две основные формы: централистские (эгрессия) и скелетные (дегрессия), что упоминалась выше[90]. Однако, взгляд на формы управления социальных систем, диктует несколько иную классификацию. Пока для нас определена, с помощью Богданова, одна из форм управления – эгрессивная. Вместе с тем в противовес этой тенденции (в нашем названии эгрессивной) существует тенденция к возникновению системы с множеством центров. В этом случае в системе не возникает эгрессивная структура. Все подсистемы или элементы оказываются равны по отношению к потреблению ресурсов и защите от сбивающих факторов. Назовем такое явление «нонэгрессией». Нонэгрессивная система предполагает равенство между собой элементов и/или подсистем, отсутствие единого управляющего центра, отсутствие иерархии. Обычно и активности такой системы также равнозначны. И если активности в иерархии представлены комплексом носителей, то здесь носитель активности тождественен элементу. Другими словами, каждый элемент равнозначен и проявляет одинаковую активность. Отклонение от стандарта активности одного из элементов равнозначно появлению дезорганизационной активности.

Нонэгрессивные системы имеют два вида:

1. ориентированные на защиту;
2. ориентированные на обеспечение потребления ресурсов.

Первый вид рассмотрим на примере способа защиты некоторых травоядных животных от нападения хищников. Так ископаемые хасмозавры становились в круг и отражали опасность[91]. Аналогично поступали американские переселенцы во время продвижения через прерию. Во время остановок или в случае опасности нападения индейцев они ставили свои повозки в круг. Особенность нонэгрессивных систем такого вида в том, что они возникают для противодействия опасности. Специфичное требование системы к элементам – их унификация, стандартизация со стороны противостояния опасности. Это значит, что панцири и рога хасмозавров, и повозки переселенцев должны быть однотипными, только тогда возникнет линия обороны. Такая система имеет центр, который может быть управляющим, а может и не быть таковым. Однако наличие центра необходимо понимать как неразвитую эгрессию, как эгрессивную тенденцию.

Вторым видом плюралистической системы, ориентированной не на защиту, а на обеспечение потребления ресурсов, является рынок. Если рынок рассматривать узко, как место встречи покупателя и продавца, то именно в данном случае может идти речь о плюралистической системе. Если же рынок рассматривать широко, как комплекс потребления и обмена ресурсов, то собственно место встречи покупателя и продавца превращается в иерархический центр (а весь комплекс – в эгрессивную систему).

Рынок в узком смысле выступает как место столкновения интересов в одном случае конкурентов, в другом – покупателей и продавцов. А значит и здесь имеет место противодействие опасности. Но здесь, в отличие от вышеприведенных примеров плюралистического управления, проявляется иное требование системы к элементам: рынок индивидуализирует элементы. Прибегая к простейшей формуле, можно сказать, что рынок требует неограниченного роста потребностей покупателей, и точно также неограниченного роста предложений продавцов. Вследствие этого отдельный продавец и отдельный покупатель имеют специфический набор спроса и предложения, что и обеспечивает их индивидуальность. Но этот «неограниченный» рост в какой-то мере напоминает «дурную бесконечность». Такой рост – чаще всего только количественный рост. Именно количественный рост потребностей, к примеру, покупателей, может быть ожидаемым продавцами. Следовательно, такой рост может быть планируемым. Исходя из этого, рост

потребностей и предложения, которые ожидаемы, должны быть стандартизированы, а значит, потребности и предложение должны быть унифицированы. Не случайно массовое производство рождает «массовую культуру», т.е. деиндивидуализированную культуру. Специфическое требование такой системы – равенство элементов в процессе взаимодействия. В нашем случае объектом такого взаимодействия является потребление ресурсов, соответственно равенство в возможности потребления ресурсов. Во всем остальном элементы могут быть индивидуальны.

Отсюда следует требование – равенство элементов во взаимодействии. Особенно наглядно это проявляется в том, что рынок не допускает преимущества продавцов над покупателями, не допускает появления монополий, т.е. концентрации активностей продавцов. По сути своей, монополия на удовлетворение спроса – это эгрессивная тенденция. И рынок постоянно стремится не допустить ее возникновения. В такой системе постоянно прослеживается стремление к равновесию элементов. Вслед за усилением одной из сторон начинается усиление другой. Так, например, монополия торговцев служит стимулом для объединения потребителей. «Рыночная» система предполагает постоянный паритет во взаимодействии элементов и постоянно воспроизводит этот тип взаимодействия. Такой тип взаимодействия возможен только в том случае, если каждый из элементов обладает одинаковой энергией, доступностью к ресурсам и возможностью защиты.

Система в форме «рыночных» отношений относится не только к сфере экономики. Ярким примером здесь может служить мировая система сдерживания военной угрозы. Наличие ядерного оружия у ряда стран лишает каждую из них в отдельности возможности применения ядерного оружия. При этом каждая страна стремится к сохранению, прежде всего status quo, т.к. изменение соотношения может привести к войне. Стремление к паритету во взаимоотношениях – уравнивание элементов, основная черта нонэгрессивных систем. Именно на уравнивании и строится принцип плюрализма.

Плюралистическая система, на первый взгляд, парадоксальна, элементы имеют возможность индивидуализироваться, но во взаимодействии они должны быть равны. И как отмечалось, это равенство оценивается по критериям равной возможности защиты, равной доступности к ресурсам, равной энергии. Во всех остальных случаях элементы могут быть индивидуальны. Наглядно принцип равенства проявляется в торге покупателя и продавца. Обе стороны во взаимодействии стремятся поддерживать равенство, контролируя партнера, не допуская нарушения им критериев равенства. До тех пор, пока такой взаимоконтроль возможен, возможен и плюрализм. Но как только одна из сторон получает преимущество, сразу же возникает эгрессивная тенденция. Поэтому особенность существования таких систем – в стремлении защитить себя от эгрессивной тенденции. Возможность и необходимость такой защиты возникает, когда взаимодействие элементов приобретает некую совокупность устоявшихся связей, но в них проявляются отступления от принципа равенства. В таких случаях в человеческих (плюралистических) сообществах начинают формироваться взаимоотношения, построенные на общественном договоре[92].

Общий принцип общественного договора основывается на равных возможностях взаимоконтроля. В целом народ контролирует государство и наоборот. В отдельном случае два элемента системы, взаимодействуя друг с другом, осуществляют взаимоконтроль, построенный на принятых нормах и принципах. Равенство элементов по отношению друг к другу строится на их равном отношении к нормам. Взаимоконтроль призван сохранить это равенство. Главная особенность общественного договора – равенство индивидов, групп (элементов социальной системы) перед едиными нормами. Так, например, покупатель и продавец, взаимодействуя друг с другом, осуществляют контроль, следят, чтобы противоположная сторона не отступала от норм и правил. Обычно такой взаимоконтроль принуждает стороны следовать установленным нормам. Нарушитель же подвергается репрессии всего сообщества покупателей и продавцов. Если же взаимодействие нормативно не отрегулировано – возникает конфликт. Для разрешения конфликта стороны могут обратиться к посреднику – мировому судье. И в данном случае возникает новое

взаимодействие: одним элементом является судья, другим – обратившиеся к нему спорящие стороны. Если судья не удовлетворяет спорящих, то возникает потребность в новом посреднике и т.д. Особенностью плюралистической системы является то, что контроль за равенством всегда поделен между взаимодействующими элементами. Это главное отличие от эгрессивной системы (эгрессивная система эволюционирует, концентрируя функции контроля в управляющем центре).

Еще одна важная особенность плюралистических систем – они предполагают фильтрацию равных элементов. Элементы, оказавшиеся неравными, выбрасываются из системы. Так, например, в Западной Европе существовали достаточно жесткие наказания для преступников, нарушавших принцип равенства в рыночной торговле. Мошенничество, жульничество, воровство наказывалось вплоть до смертной казни. В XIX веке в США возникает весьма трагичное явление – суд Линча – коллективное наказание преступника. Социум, таким образом, исключал из своей среды элементы, нарушавшие принцип равенства. Однако суд Линча сам нарушает принцип равенства (он предполагает преимущество «судей» над подозреваемыми), поэтому в плюралистической социальной системе он сходит на нет. Тем не менее, этот пример показывает выбраковывание «неравных» элементов в нонэгрессивной системе.

Итак:

1. усложняясь, плюралистическая система предполагает постоянное равновесие между составляющими элементами;
2. элементы имеют возможность неограниченно индивидуализироваться;
3. система фильтрует равные элементы.

Необходимо отметить, что такая система имеет достаточно сложные и жесткие требования к своим элементам, а значит и сами элементы, чтобы быть приняты в такую систему, должны пройти фильтрацию на соответствие этим сложным и жестким принципам, чтобы, в конце концов, быть адаптированным к взаимодействию по принципу равенства. Таким образом, сами элементы в результате становятся достаточно сложными, но равными.

Две формы управления в социальных системах

Сравнивая две формы управления – эгрессивную и нонэгрессивную, необходимо признать, что они равнозначны (у нас нет оснований, утверждать, что какая-то из них имеет преимущество). Вместе с тем, в чистом виде такие формы не встречаются, реальные социальные системы включают в себя обе формы управления. Но в определенной социальной системе всегда в тенденции просматривается определенная форма управления. Исходя из этого (т.е. учитывая основную тенденцию), мы можем определить то или иное человеческое сообщество как эгрессивное или наоборот. В этом случае существует барьер первичного восприятия. Практически любую современную (и не только) социальную систему мы должны признать как эгрессивную. Но если принимать контроль как главный индикатор отличия, то мы обнаруживаем, что есть социальные системы, в которых традиционно формировался взаимоконтроль, а есть системы, в которых функция контроля аккумулировалась в управляющем центре.

Рассмотрим данное различие на примере. В эпоху средневековья, как в Западной Европе, так и в России сложилась иерархическая система управления. Вершиной ее был царь, король, иногда князь или герцог. В Западной Европе сюзерен мог приказывать своим вассалам явиться «конно и оружно», чтобы отправиться в военный поход. Естественно, вассал не мог ослушаться, он должен был подчиниться приказу. Таковы были обязанности вассала, но вместе с тем он имел и определенные права, которые, в свою очередь, предполагали обязанности сюзерена. Если сюзерен в течение 40 дней не выплачивал жалованье, на 41 день вассалы оставляли своего командира, уводили свои войска по домам. Представим себе такое поведение русских воевод в стане своего князя, и чем бы это могло закончиться в такой ситуации! Исторический пример, Иван III предложил Новгороду войти в состав Московии. Новгородцы не возражали, они готовы были платить дань за то, что православный царь сможет их защитить от латинской ереси, ганзейских конкурентов, агрессии Литвы и рыцарей. Поэтому они предложили Ивану III подписать

договор, определяющий права и обязанности сторон. Гневу московского царя не было предела – Новгород был сожжен.

Итак, на Западе со времен средневековья наблюдается нонэгрессивная тенденции, формировавшая плюралистическую форму управления, тогда как в России – эгрессивная, предполагавшая иерархическое управление. Отличие одной от другой – способ контроля. На Западе актуальным оказался взаимоконтроль, в России же, напротив, функция контроля концентрировалась в центре управления.

Реальная социальная система сочетает в себе две формы управления, таким образом можно допустить трансформацию социальных систем из одной формы в другую при сохранении системами своей субстанции («души» образно говоря). Как гипотеза такое предположение вполне допустимо, однако такой гипотезе противоречат отдельные примеры – если человеку отрубить голову, то вряд ли органы и клетки смогут обеспечить плюралистическое управление организмом. Точно так же, если директором рынка поставить человека, обладающего всеми преимуществами над участниками рынка, то, скорее всего такой рынок превратится в советскую распределительную систему, т.е. исчезнет. Поэтому автор высказывает другую гипотезу – изменение формы управления равнозначно нарушению основного алгоритма действия системы и ведет к ее уничтожению.

Форма управления возникает вместе со становлением собственно системы, именно тогда, когда закладывается основной алгоритм действия, или программа системы. Управление (его форма) становится элементом целостной программы, причем таким элементом, который, прежде всего, защищает систему от сбоев, т.е. отвечает за её самосохранение (поэтому форма управления равнозначна функции иммунитета в организме). Можно предположить, что, в принципе, возможно заменить общий алгоритм действия (программу) с помощью управления, но сохранить программу и систему в целом, изменяя форму управления, – невозможно. Поэтому, как правило, система гибнет после того, как изменяется форма управления. Однако реальный опыт показывает – даже после развала системы на отдельные подсистемы и элементы, форма управления сохраняется внутри дезинтегрированных элементов, что в конечном итоге может привести и к возрождению системы в целом. А это возможно в том случае, если в каждом элементе (как в капле отражается весь океан, как в ДНК заключена информация об организме), присутствует в снятом виде и форма управления, и программа.

СИСТЕМНОЕ ТРЕБОВАНИЕ

Специфика эгрессивных и нонэгрессивных систем полагает и отличие их элементов. Эгрессивная система не имеет столь равносложных составляющих элементов. Достаточно сложным в ней является только управляющий центр. Эгрессивная система развивается не через усложнение элементов, а через усложнение центра. Главная особенность элементов эгрессивной системы – способность изменяться адекватно требованию управляющего центра, быть обучаемыми. А значит, они должны быть предельно открыты для приема управляющей информации, идущей из центра. Системное требование к нонэгрессивным элементам – поддержание равенства. Отсюда наблюдается важное различие элементов этих систем: одни должны обеспечивать иерархическую зависимость, другие равенство. Здесь возникают два вопроса:

1. Что можно считать элементом системы, или до какого уровня мы можем «атомизировать» систему?
2. Какие требования система предъявляет к своим элементам и как реализует эти требования?

Утрируем первый вопрос, – является ли «печень» отдельного человека элементом социальной системы, или таковым элементом является сам человек, или, может быть, группа людей? Каков критерий элементаризации, атомизации системы? На наш взгляд, такой критерий должен строиться на следующем подходе – «атомом», неделимой частицей, или, в нашей терминологии, элементом системы является:

· такая ее единица, которая составляет основу, субстрат системы, а значит, удаление всей массы таких единиц приведет к исчезновению системы;

- относительно автономная единица, которая обладает способностью существовать без системы;
- единица, зависящая от системы, т.е. вне системы возможности ее существования ограничены;
- такая единица, способна создать аналог системы или систему целиком.

При изучении общества как системы в качестве элементов, удовлетворяющих такому требованию, могут выступать либо индивид, либо группа индивидов. И если в качестве элемента неагрессивной системы вполне может выступать индивид, то элементом агрессивной системы может рассматриваться только группа индивидов (состоящая как минимум из двух), т.к. только в группе может сложиться элементарное агрессивное взаимодействие. Примечательно, что в английской литературе герой Дефо вполне самодостаточен на необитаемом острове, тогда как русскому генералу, герою Салтыкова-Щедрина, необходим мужик.

Второй вопрос касается того, как возможно системное требование. Изначально возможны два варианта: первый – система фильтрует в свой субстрат готовые элементы, второй – она преобразует элементы субстрата. Для второго варианта необходим механизм, технология формирования элементов. Второй вариант наиболее типичен для существования систем. Именно система в состоянии изменить отобранные для своей структуры элементы, как, например, меняются свойства атома в молекуле[93].

Отсюда следует, что управление предполагает кроме тех функций, которые у него имеются, еще одну – назовем ее, форматирование элементов согласно требованиям системы. Без сомнения управление не занимается форматированием элементов, управление только обеспечивает возникновение подсистемы, выполняющей функцию форматирования, и осуществляет контроль (иногда процесса, но чаще) результатов ее деятельности. В социальных системах функцию форматирования элементов выполняет воспитание или, более глобально, механизм социализации индивидов. Форматирование обеспечивает принцип неуничтожимости системы. Система, построенная на идеально отформатированных элементах, неуничтожима, т.к. в случае гибели, но сохранении нескольких элементов, которые могут создать систему по аналогии, начинается возрождение. Внешняя форма возрожденной системы может быть абсолютно иной, но возрожденная система сохранит, прежде всего, управление и программу («душу»). Другой важной функцией форматирования является то, что отформатированные элементы, существуя автономно от системы, способны расширять влияние системы вовне, способны реплицировать систему в пространстве. Таким образом, форматирование обеспечивает неуничтожимость, репликацию и экспансию системы.

Форматирование элементов социальной системы имеет свою специфику. В задачу форматирования входит построение такого образа мышления индивидов, которое будет определять их ожидаемое поведение в системе. Такой строй мышления индивидов должен иметь общие характеристики, критерии оценки действительности, типичные ограничения и т.п. Таковыми являются нормы и ценности, регулирующие поведение индивидов. У каждого индивида эта система норм (более широко, и ценностей) может носить уникальный характер, но индивиды не могли бы контактировать друг с другом, если бы общий алгоритм или принцип построения такой системы не был универсальным. Назовем такой принцип построения «этическим строем общества». Такой «этический строй» через нормы задает параметры действия индивида и через ценности область его возможных достижений. Образно «этический строй» напоминает «коридор», или пространство, ограниченное со всех сторон, кроме одной. Таким способом потребности человека вписаны в «коридор» «этического строя».

Этический строй предполагает структурирование активностей индивидов таким образом, чтобы эти активности приобрели «организационный» характер (по терминологии Богданова), т.е. должны «работать» на целостность, на систему. Именно этический строй задает индивиду порог удовлетворения своих потребностей или форму мотивации.

Подводя итог, зафиксировав основные системные требования.

Собственно системные требования, или то, что определяет самосохранение системы, проявляются в трех основных вещах:

- 1) алгоритме, программе, привычном образе действия или поведения;
- 2) характере управления;
- 3) способе форматирования элементов системы, или способе социализации индивидов в социальных системах.

При этом ключевым моментом системы, независимо от того, какие коллизии испытывает система, будет ее «душа». Система будет оставаться сама собой до тех пор, пока жива ее «душа» - стихийно сложившаяся программа, алгоритм действия.

СИСТЕМНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ. СПОНТАННОСТЬ И ИГРА

В общем плане любая социальная система стремится, как отмечалось выше, к реализации функций «свободного» потребления ресурсов среды и обеспечения защиты от сбивающих факторов. Именно эти функции обеспечивают равновесие со средой, осуществляя внешнюю защиту, которая проявляется в поддержании механизмов, обеспечивающих сложившийся алгоритм действий, что и является собственно самосохранением системы, ее «целью».

Длительность существования системы зависит от наличия (запаса) энергии. Предельная активность (максимальный всплеск энергии) кратковременна, поэтому такая «вспышка» есть одновременно, или становится одновременно и абсолютной энтропией. Реальная активность, движение, энергия находится «между» абсолютной активностью и энтропией. Эволюция энергии идет от абсолютной активности к энтропии. В этом смысле чистая энергия = абсолютная активность, абсолютная энтропия = чистая материя, лишенная активности. Процесс эволюции в таком случае – перетекание энергии в материю. Бытие, существование, и в этом же смысле энтропия, есть борьба, как с абсолютной активностью, так и с энтропией. Система в этом случае – это оформленное бытие. Основной род деятельности системы, ее функция – поддержание баланса между энергией и материей.

Однако ни одна система не застрахована от спонтанных всплесков энергии, от «незапрограммированного» роста активности (элементов или групп элементов). Такие всплески «дезорганизационных действий» нарушают сложившиеся системные требования и могут привести к уничтожению самой социальной системы. Вместе с тем, эти всплески не могут носить направленный характер. Выплеск энергии сам по себе спонтанен. Этот всплеск не может иметь формы. Между тем, в реальной социальной практике такой спонтанный всплеск приобретает определенную форму (точно также приобретает форму направленного потока кипящая лава вулкана). Форма для спонтанной энергии задается самой системой, но не позитивно, а негативно: «Если нельзя, то можно». Не случайно все революции связаны с отменой сложившихся правил и норм, начиная с отмены, к примеру, мер длины и веса до отмены моральных запретов «не укради», «не убий». «Кипящая лава» сметает самые неустойчивые системные требования, вместе с тем, испытав на прочность, вынужденно принимает те требования, которые оказались устойчивы, при этом формирует и некие новые требования. Особенность спонтанного всплеска в том, что он осуществляет «перестройку» требований, адаптирует эти требования к новому возможному всплеску энергии. Примечательный пример, бывший террорист Сталин в дальнейшем создал высоконадежную защиту от террора.

Сам по себе всплеск активности – одновременно и нарушение сложившихся требований, и создание новых. Всплеск – свободная игра сил системы. Это показывает Тойнби: «Что отличает творческое меньшинство и привлекает к нему симпатии всего остального населения, - свободная игра творческих сил»[94]. Эта свободная игра сил, подчеркнем, проявляется в разрушении и созидании депрессивных конструкций. Спонтанный всплеск заканчивается (или заканчивается игра сил), когда складываются устойчивые депрессивные конструкции.

В действии «свободной игры творческих сил» проявляется нарушение главного системного требования – самосохранения. Драматичные всплески энергии зачастую действительно

приводят системы к коллапсу[95]. Между тем, история человечества показывает, что коллапс систем зачастую связан не с излишней энергией, а, наоборот, с ее потерей. Более того, нет социальных систем, которые бы за период своего существования ни пережили двух-трех спонтанных выплесков (не прошли через революции, гражданские войны и т.п.). «Свободная игра творческих сил» для социальных систем – атрибутивное качество. Всплеск социальной активности открывает возможность для самообучения, тем самым запускает механизм саморефлексии (аутопейсиса). В результате система формирует в самой себе дополнительный запас прочности. Вместе с тем, именно спонтанный выплеск энергии придает системе дополнительную пластичность и динамичность.

Лев Гумилев, развивая теорию этногенеза, показал интересное свойство пассионариев. Пассионарий – человек, отличающийся более высокой моторной активностью, нежели обычный («гармоничный», по терминологии Л.Н. Гумилева) человек, вместе с тем, чем выше активность, тем ниже инстинкт самосохранения[96]. Следовательно, рост пассионарной активности и является причиной спонтанного всплеска энергии в социальной системе.

В этом еще одна особенность и противоречие системы – антисамосохранение. Самосохранение нарушается в следствии спонтанного выплеска энергии. Система перестает следовать собственному целеполаганию, переигрывает сложившиеся системные требования. Здесь нам открывается еще одна характеристика социальной системы – свободная игра творческих сил.

Игра – неотъемлемое качество любой культуры: «человеческая культура возникает и развертывается в игре, как игра»[97] - утверждал Й. Хейзинга. По его мнению, игра – определенное качество деятельности, отличное от обыденной жизни. Игра необыденна. Игра есть нарушение сложившегося хода вещей, она есть выход за пределы обычного. Пользуясь нашими терминами, продолжаем, игра есть выход за пределы самосохранения, за пределы построения целевой деятельности (которая строится на требованиях необходимости или должного).

Хейзинга показывает основные характеристики игры. Таковыми являются:

- Игра – излишняя ничем недетерминированная деятельность. «Всякая Игра есть прежде всего и в первую голову свободная деятельность. ... Игра есть ... излишество. Потребность в ней лишь тогда бывает насущной, когда возникает желание играть. ... Игра не диктуется физической необходимостью»[98]. В известном смысле игра определена, на наш взгляд, избытком энергии.

- Игра лежит за пределами обыденности и требований необходимости. «Игра не есть «обыденная» жизнь и жизнь как таковая. Она скорее выход из рамок этой жизни во временную сферу деятельности, имеющую собственную направленность. ... Все исследователи подчеркивают незаинтересованный характер игры. Не будучи «обыденной» жизнью, она лежит за рамками процесса непосредственного удовлетворения нужд и страстей. Она прерывает этот процесс»[99].

- Обособление. «Игра обособляется от «обыденной» жизни местом ... Ее течение и смысл заключены в ней самой»[100]. Игра обособлена:

- ? временными рамками,

- ? пространственными границами[101],

Временные рамки и пространственные границы – то, что изолирует игру от наличного бытия, от обыденной необходимости. Тем самым, открывается возможность создать игре свой собственный мир, который, прежде всего -

- ? имеет свои правила,

- ? выполняет определенную культурную функцию[102],

Правила и культурная функция и создают ирреальный мир игры. Особенность игры проявляется именно в творчестве игровых правил, в постоянном их обновлении. Вместе с тем, если игра утрачивает способность к «нормотворчеству», она превращается в ритуал – игру, лишенную своей основы – энергии. Как отмечает Хейзинга, игра

- ? характеризуется напряжением[103].

Именно последнее качество игры открывает довольно парадоксальное качество живых и, прежде всего, социальных систем. Такие системы стремятся к неустойчивости. Живая система поддерживает эту неустойчивость. Это еще одна функция игры для индивида и социума.

Итак, программа, управление и механизм форматирования являются необходимыми функциями любой системы. Особенность социальной системы проявляется в том, что

- программа, или типичное повторяющееся действие, может быть осмыслено через социально-психологический характер и особенность способа производства;
- управление может быть объяснено с точки зрения стремления к иерархии или плюрализму в целом комплексе человеческих взаимоотношений;
- форматирование элементов понимается как функционирование этического строя – нормативно-ценностного комплекса, который определяет рамки мотивации индивида.

Реализация указанных функций задает системе «цель» - самосохранение, стремление к равновесию.

Социальная система противоречива по своему характеру. Это противоречие проявляется в том, что основное системное требование определяется самосохранением, т.е. равновесием, и в то же время системе присуще стремление к игре и нарушению равновесия, «отказ» от целеполагающей деятельности.

При этом социальные системы «нарушают» равновесие, «включаясь» в игру. Таким образом, социальным системам свойственны два противоречивых стремления:

- одно, стремление к самосохранению, равновесию, балансу;
- другое, стремление к игре, т.е. к неустойчивости, напряжению, спонтанности, «бесцельности».

Web

www.gumer.info

LitBN 100x100<http://fpc-kifa.ru/>

привлечение инвестиций, получение кредита, налоговых или таможенных льгот, регистрация в качестве резидента Особой экономической Зоны в Калининградской области, разработка стратегии развития бизнеса

На главную | Новые книги | Каталоги: Именной Хронологический Авторы | Форум | Ссылки | Связь | Site Map

sitemap:

Все права на книги принадлежат их авторам. Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, сообщите нам.

Леонтьев К. Н. Собр. соч.: В 9 т. М., 1912-1913. Т. 5. С. 426

См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Избр. произведения. – М.: Прогресс, 1990.

См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. С. 58

Web

www.gumer.info

LitBN 100x100<http://fpc-kifa.ru/>

привлечение инвестиций, получение кредита, налоговых или таможенных льгот, регистрация в качестве резидента Особой экономической Зоны в Калининградской области, разработка стратегии развития бизнеса

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной Хронологический Авторы](#) | [Форум](#)
| [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их авторам. Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, сообщите нам.